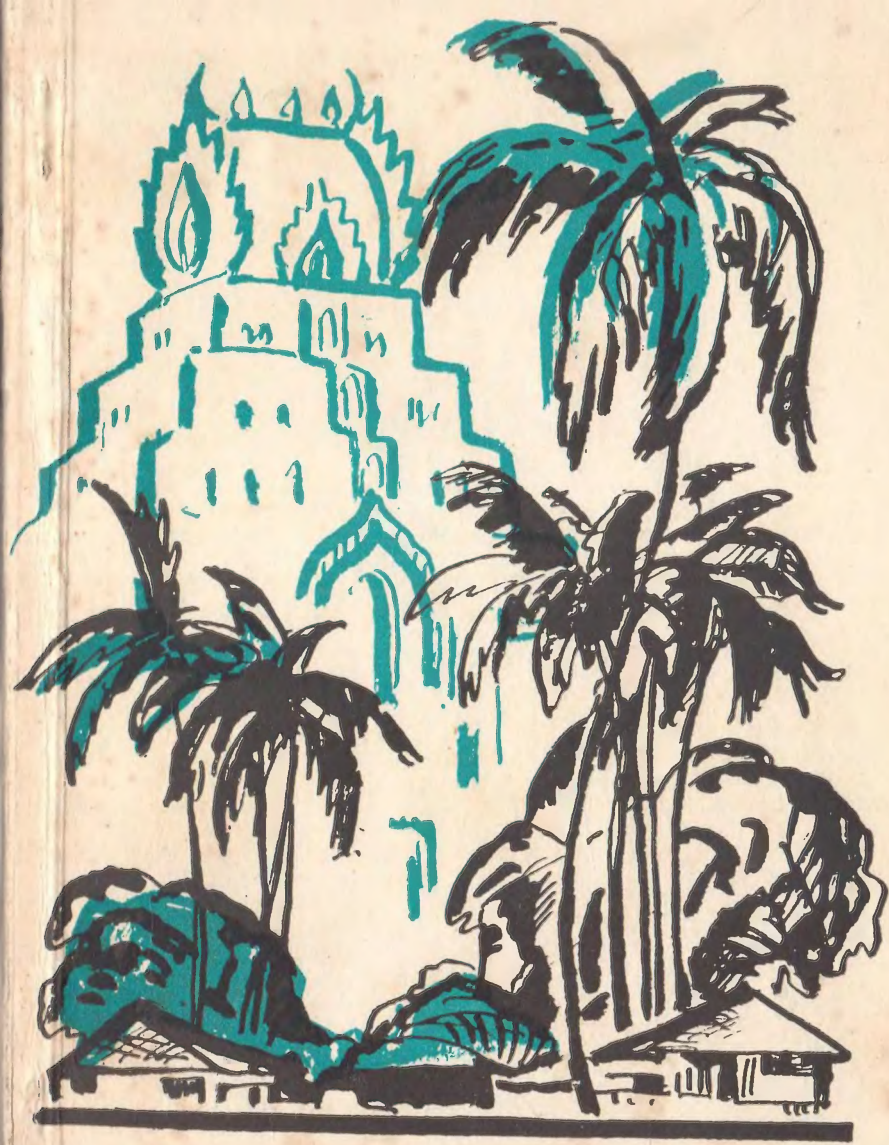

Ф.Ф. ТАЛЫЗИН

**По Индии
и Цейлону**

Ф.Ф. ТАЛЫЗИН

По Индии и Шейлону

Ответственный редактор

А. М. ДЬЯКОВ

индия

Светлой памяти
Федора Никандровича
Талызина
и Александра Петровича
Бехтерева
посвящаю

ИНДИЯ В СОКОЛЬНИКАХ

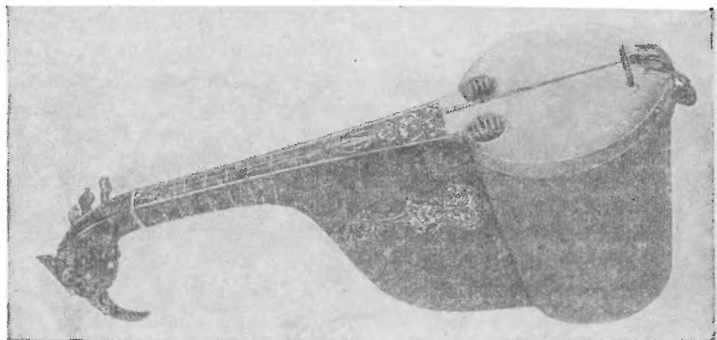
Своим появлением на свет эта книга обязана случайному обстоятельству — индийской выставке в Москве. Впрочем, то был внешний толчок: истинная причина, побудившая меня взяться за перо, — чувство долга. Но начнем по порядку.

Жара в середине июля 1963 г. стояла страшная. Даже поездка в тенистый Сокольнический парк на выставку представлялась делом непростым. Тем не менее залы выставки оказались переполненными.

Перед взором моим ожила Индия, далекая и близкая, неведомая и знакомая. Я снова ощущал теплоту и свет этой страны, ее необычные краски. Прохлада огромных залов напоминала об отрадной прохладе индийских жилищ.

Я бродил по выставке до темноты и не столько смотрел, сколько вспоминал.

А посмотреть здесь было на что. Изумительные по форме и расцветке бронзовые кувшины ручной работы разместились рядом с поделками из кожи, сандалового и черного дерева. По изяществу с ними могли сравниться разве только филигранные изделия из слоновой кости. Небольшие гирлянды-ожерелья — плод колоссального труда. Тут и павлины, и розы, и тончайший кружевной орнамент. Три обезьянки прижаты друг к другу спинами. Одна лапками закрыла глаза, другая — рот, третья — уши. Несложная символика: не видеть дурного, не слышать дурного, не говорить дурное. Куклы, яркие, цветастые, сверкающие, словно взяты из реквизита бродячего кукольного театра.

Музыкальный инструмент сарбати

Самоцветы! Они украшают шкатулки и вазы, нашиты на тончайшем тюле и парче.

Около крошечного экспоната — миниатюрного хранилища одиннадцати животных — толпится народ. Животные и птицы заключены в зернышке красного боба. Можно рассмотреть слона, носорога, льва, быка, обезьян, павлина. Удивительная по точности работа индийского Левши!

Старинные скульптурные памятники высечены из камня и мрамора: многорукое танцующее индуистское божество Шива, священные быки, увитые гирляндами из жасмина, кобры с раздутыми шеями. Далее галерея женской одежды. На вращающихся манекенах богатые, красочные сари, парчовые шарфы. Наряды женщин Кашмира, Кералы, Ассама, Майсура, Ориссы, Мадраса, Бихара, Западной Бенгалии и других районов.

Красивы и непривычны для нашего глаза покрытые перламутровыми инкрустациями музыкальные инструменты. Среди них щипковые, с длинными грифами и пузатыми резонаторами, напоминающие большую мандолину, аккордеон, вытянутые барабаны, причудливые скрипки, флейты, бубны. Игру на них мне довелось слышать не раз на свадьбе, праздниках, просто в будние дни где-нибудь в придорожных южных деревушках.

На выставке широко представлены увеличенные до огромных размеров фото и диапозитивы. В моей памяти оживали таинственные рощи, населенные обезьянами и дикими павлинами, дары южной природы — манго, плоды хлеб-

ного дерева, золотисто-желтые бананы и оранжево-красный горький перец.

Но, пожалуй, больше всего привлекали посетителей те залы, где демонстрировались достижения развивающейся Индии, богатства ее недр — нефть, драгоценные руды, минералы и металлы. Сколь велики темпы разведки и эксплуатации этих богатств, видно на примере нефтегазоносных месторождений в Анклешваре. Уже через 18 месяцев после их открытия добывалось 1800 тонн нефти ежедневно. Темпы нарастают, и скоро здесь будет получено 2 миллиона тонн сырья для Гуджаратского нефтеперерабатывающего завода в Кояли, который строится с помощью Советского Союза.

Экспонируются машины, выпущенные индийской промышленностью. После освобождения от колониальной зависимости в стране появились районы промышленных новостроек (Бхакра-Нангал, Хиракуд). Созданы металлургические заводы в Бхилаи, Дургапуре и Роуркеле, Читтаранджанский паровозостроительный завод и т. д. Многие построены по советским проектам и с помощью советских инженеров и техников.

Выставка в Сокольниках оставила у меня не только чувство восхищения талантливостью индийских умельцев, но и недовольство собой: я не сдержал обещания, данного индийским друзьям, докторам Ж. Хендлеру и К. Гринлиngu из Всемирной организации здравоохранения в Женеве, наконец, себе, — не написал книгу о поездке в Индию.

* * *

С мечтой об Индии было связано мое раннее детство. Мы жили в Минусинске, тогда еще совсем маленьком сибирском городке, с деревянными домами и немощеными улицами. Отец мой Федор Никандрович, учитель математики в реальном училище, страстно увлекался географией. Дом наш был буквально набит книгами о путешествиях и путешественниках, о далеких странах и малознакомых народах. Поэт и краевед, певец и коллекционер, музыкант и охотник, он до самозабвения был влюблен в природу. Со своим закадычным другом А. П. Бехтеревым, тоже преподавателем, отец все свободное время проводил за городом. В любую погоду отправлялись они в долгие и порой трудные прогулки. Часто брали с собой и меня.

Когда, найдя по хорошему сибирскому морозцу, мы возвращались домой к горячей печке, отец неизменно восклицал:

— Ну и жара! Как в Индии!

На что Бехтерев обычно возражал:

— Не такая уж в Индии жара; там, брат, есть места где похолоднее, чем в нашей Сибири. Возьми хотя бы предгорья Гималаев или долину Кулу.

— Да разве это настоящая Индия! — горячился отец. — Вот пожил бы ты в Мадрасе или Майсуре. Конечно, испечься можно и у нас в Заволжской степи, но тут жара только летом, а в Индии круглый год.

Споры друзей нередко продолжались и после того, как меня укладывали спать. Лежа в постели, я слышал рассказы о далекой южной стране. Доносившиеся до меня названия — Бомбей, Бенарес, Калькутта — в моем воображении звучали таинственными заклинаниями.

Вдохновенные спорщики никогда не были в Индии, они и не надеялись попасть туда. И уж, конечно, менее всего могли подумать, что белокрысый и веснушчатый мальчишка, жадно слушавший их рассказы, когда-нибудь побывает в тех местах, о которых они знали только по книгам.

Дом наш стоял на высоком берегу маленькой и неприметной речки Минусинки, не промерзавшей до дна даже в лютые морозы. Через нее был перекинут деревянный мостик. Под ним днем и ночью без умолку журчал водопадик. В комнате с серебряными от инея окнами было слышно это журчание.

От слабого света на полу и на стенах играли причудливые тени. И, засыпая, я видел Индию с таинственными джунглями, со слонами и змеями. Она представлялась мне жарко натопленной комнатой, где в углах вместо фикусов и герани стоят кокосовые пальмы, бананы и хлебные деревья.

С годами померкли и забылись мечты ранних лет, пришли новые увлечения, но где-то в глубине сознания по-прежнему таилась детская мечта об Индии.

Я стал врачом. Профессия эта, казалось бы, никак не связана с путешествиями. Однако случилось так, что мне пришлось участвовать во многих экспедициях по борьбе с эпидемиями и в качестве медика-паразитолога побывать в ряде стран.

Незадолго до конца войны судьба закинула меня в Иран,

потом в Ирак. Оттуда я чуть было не попал в Индию! Но в самый последний момент все неожиданно переменялось.

Тревожные сообщения о грабежах и убийствах на дорогах в районе Захедана, на трассе, пролегающей через пустыню Деште-Лут, как раз там, куда я должен был поехать, нарушили эти планы. Поездку отменили, несмотря на все мои просьбы. Вместо Индии я попал в Афганистан.

Второй раз опять не повезло. Группу советских паразитологов и микробиологов индийские коллеги пригласили в Бомбей для участия в научной конференции. На этот раз все казалось надежным и предвещало удачу. Увы... Перед самым отъездом сообщение: конференция отменена.

«Не бывать мне в Индии!» Я объездил Англию, Францию, Венгрию, США, а Индия, как и раньше, оставалась недосыгаемой.

Но вот в мае 1959 г. срочный вызов в Министерство здравоохранения СССР. Удобно расположившись в кожаном кресле, готовлюсь к очередной беседе об очередных делах. И вдруг...

— Федор Федорович, как бы вы отнеслись к предложению отправиться в Индию? Не отказывайтесь, пожалуйста, там очень нужен опытный паразитолог, много работавший по борьбе с малярией.

Глубокая пауза. Моему собеседнику и в голову не приходит, что от неожиданности у меня перехватило дыхание. В воображении промелькнули отец, Бехтерев, жарко натопленные комнаты в Минусинске...

— В Индию? — наконец переспросил я. — Ничего не выйдет!

— Это почему же?

— Два раза я почти уже был в Индии и оба раза так и не доехал.

— На этот раз доедете! Если согласны, поезжайте теперь же в Женеву. Там с сотрудниками Всемирной организации здравоохранения обсудите сроки и уточните маршруты поездки. Придется, вероятно, побывать и на Цейлоне...

И вот я в Женеве!

Специализированное учреждение — Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) — первоначально возникло на основе договора, заключенного между государствами-учредителями, и ими финансируется. Каждый участник — в 1964 г. их насчитывалось 117 — вносит определенную сумму. Для Советского Союза, например, она выражается

в размере 4 731 650 долл. ВОЗ призвана координировать мероприятия в области здравоохранения, главным образом по ликвидации эпидемических заболеваний. Она собирает сведения об эпидемиях, организует международную санитарную помощь, выясняет причины смертности населения, оказывает помощь правительственным учреждениям стран в борьбе с тяжелыми болезнями, отпускает средства на питание детей и ведет другую самую разнообразную работу. В высший руководящий орган ее — исполнительный комитет — входят представители 24 стран, в том числе и СССР.

Меня представляют руководителю отдела информации секретариата ВОЗ Ж. Хендлеру и его заместителю К. Гринлиngu, которые в свою очередь знакомят с лицами, ведающими организацией борьбы с малярией в Юго-Восточной Азии. Весьма любезно принимает меня доктор Л. Брюс Хватт. Он возглавляет отдел, планирующий мероприятия по искоренению малярии. Его помощники должны связаться с противомаларийными учреждениями Индии и Цейлона. Расстелив на столе карту, они показывают пункты, которые мне предстоит посетить, затем снабжают справочниками, отчетами индийских и цейлонских маляриологов — словом, делают все, чтобы у меня не оставалось никакой неясности. Снова и снова возвращаемся к географическим картам, справкам, цифрам, фамилиям.

Запасшись документами ВОЗ, я вылетаю домой.

ДЕЛИ

Москву я покинул теплым майским вечером. Огромный и сильный ТУ-104 стремительно поднялся вверх и взял курс на юг.

Первая и единственная остановка в Ташкенте. Проверяют паспорта, визы, медицинские справки. И тут в последнюю минуту выясняется, что впопыхах мне забыли сделать прививки против брюшняка и холеры.

— Без прививок вас в Индию не впустят, и мы не можем разрешить вам лететь дальше, — заявил сотрудник карантинной станции.

— Значит, все пропало? — спрашиваю я, не узнавая своего голоса. — Значит, я должен остаться?

— Нет, почему же! Можно исправить оплошность.

Вытираю пот и бегу в медицинскую комнату при аэропорте. Узнав, что я врач, мой коллега добродушно журит меня и вводит сыворотку.

— Все в порядке, теперь можете лететь. Вот, пожалуйста, справка.

Прохожу на место, сажусь и крепко сжимаю подлокотники кресла. Пора лететь, но машина словно приросла к земле.

— В чем дело? — волнуются пассажиры.

— Сплошной туман над Гиндукушем. Ждем разрешения на вылет. Сколько простои́м? Трудно сказать — может час, а может, и сутки. Иногда в Ташкенте сидят и неделю.

— Не бывать мне в Индии!

Судьба все же сжалилась надо мной: самолет взмывает в небо.

Летим через Гиндукуш. Тумана уже нет, солнце загнало его в глубокие ущелья долин. Видны снежные вершины хребта, обрывистые скалы, белые поля, глубокие расселины. На горизонте «сахарные головы» кажутся нежно-сиренывыми; голубая полоса над ними постепенно приобретает синий и темно-синий цвет.

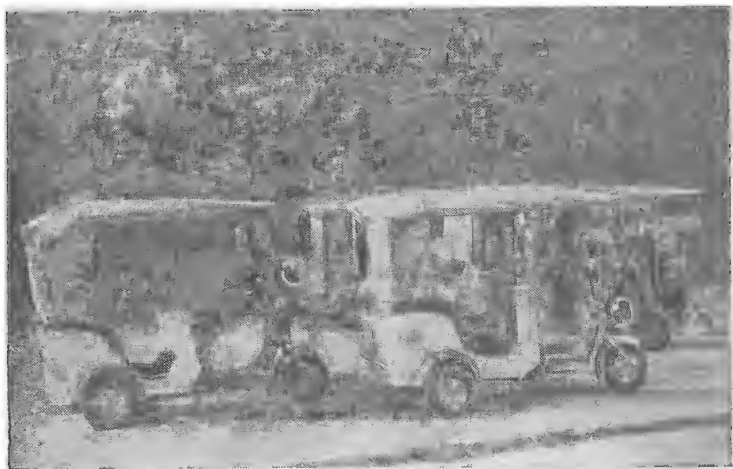
По мере продвижения на юг снег исчезает, обнажая кирпично-красную землю. То там, то здесь сверкает зеркало озер, мелькают ленты рек, небольшие селения, отдельные домики. Чем дальше в глубь Индии, тем больше лоскутов вспаханных полей и темно-зеленых полосок огородов.

Гремит дверь — пора выходить.

Возле высокого трапа люди в белых и цветных чалмах, в белоснежных костюмах, красочных сари. Кого-то встречают цветами, речами, но, кажется, не меня. Впрочем, нет, встречают и меня. Представитель индийских ученых. Быстро знакомимся и едем в город.

Шоссе, гладкое и широкое, тянется вдоль красивых улиц. На тротуарах множество пешеходов, вдоль обочин шоссе — вереницы велосипедистов.

С аэродрома попадаем в Нью-Дели — новую часть города, утопающую в яркой зелени и цветах. Пальмы, высокие бананы с огромными листьями, магнолии, усыпанные белыми крупными, как блюдца, цветами. Цветы повсюду: в мозаичных клумбах, на фасадах домов, железных решетках балконов. Пестрые вьюнки обвивают колонны зданий и памятников, взбираются по стенам на крыши домов.

Столичный транспорт — моторикиши

Левостороннее движение с непривычки кажется опасным. Опережая машины или пристраиваясь им в хвост, как одержимые, мчатся велосипедисты. В шесть рядов идут «кадиллаки» и «форды». Тут же неторопливо бредут белые волы с удивительными, словно лиры, рогами. Они тащат допотопную телегу на двух огромных деревянных колесах, с жестким горбатым коробом сверху, открытым спереди и сзади. Спрятавшись в его тени, дремлет полунагой возница с длинным хлыстом в руке.

На широких дрожжах разместилось более десятка седоков. Рядом рикша тянет экипаж, прицепленный к мотороллеру.

Возвышаясь над всем, медленно и важно шествует слон. Спина его покрыта ковром, на голове парчовый треугольник с белой меховой нашлепкой, нечто вроде сплюсненной казачьей папахи. Хобот разрисован. На шее сидит индеец в красном кафтане с белыми отворотами и в огромной чалме. Погонщик с палкой — тоже в красном долгополом камзоле и оранжевой чалме.

Поперек шоссе, не спеша пережевывая жвачку, лежит белая корова породы зебу с большими, торчащими в стороны рогами. Возле нее пристроился пес. Оба не обращают ровно никакого внимания на уличную суматоху и дорож-

ную суету. Они и не думают покидать шоссе. Машины осторожно объезжают их, и никому не приходит в голову прогнать животных с пути. Собственно, приходит-то приходит, но никто этого не делает.

Я занят с семи утра и до темноты, не могу выкроить часа, чтобы осмотреть город. Нельзя отложить деловые встречи, ни на минуту нельзя задержать поездку на юг.

Знакомство с городом через окно отеля или машины создает неразбериху впечатлений и лишь усиливает интерес.

С индийскими коллегами из ВОЗ разрабатываем подробный маршрут моей поездки на юг страны. Меня снабжают чековой книжкой, литературой и множеством советов, полезных и бесполезных, но неизменно дружеских.

Вообще отношения с первой же встречи устанавливаются теплые и искренние. Общая работа, как всегда, сближает. Часами, забывая обо всем, обсуждаем способы борьбы с беспощадными врагами человечества — болезнями.

Индия — родина не только древнейших цивилизаций, но, как считают, и натуральной оспы и чумы. Утверждают, что уже в XII в. н. э. жрецы знали о предупредительных прививках против оспы и, следовательно, самое болезнь.

В первой половине нашего столетия наибольшее число оспенных больных насчитывалось в Индии и Иране. В 1953—1958 гг. из 563 611 зарегистрированных в Азии случаев оспы 417 940 приходилось на Индию. В 1958 г., по статистике ВОЗ, во всем мире было отмечено 242 тысячи заболеваний оспой, причем 218 тысяч — в Индии, через год соответственно 70 тысяч и 50 тысяч! Но 50 тысяч — это не 200 тысяч. Столь резкое снижение заболеваний стало возможным только после массовых прививок, проведенных в Индии и Восточном Пакистане.

Чума, натуральная оспа, холера, проказа, малярия, амёбная дизентерия, слоновая болезнь и многие другие такие же опасные и такие же массовые болезни давным-давно могли бы исчезнуть здесь, как исчезли они в Европе, в Америке, в Советском Союзе.

Могли бы, но не исчезли. От многовекового владычества чужеземцев осталось тяжелое наследство.

Сейчас в стране сотни больниц, госпиталей, тысячи и тысячи больничных коек, разветвленная сеть санитарной

службы, противоэпидемических станций, родовспомогательные учреждения, научные институты, фармацевтические фабрики.

В самоотверженной работе индийских врачей и ученых я имел возможность убедиться не раз.

Сегодня это уже не горстка одиночек без рупии за душой, а мощная армия медиков, вооруженная знаниями, знакомая со всеми последними достижениями современной науки.

Одно из крупнейших научных учреждений страны — Институт микробиологии в Дели. Здесь исследуются те заболевания бактериального происхождения, которые распространены в Индии. Мы консультируем сотрудников института и консультируемся у них, обмениваемся научными трудами.

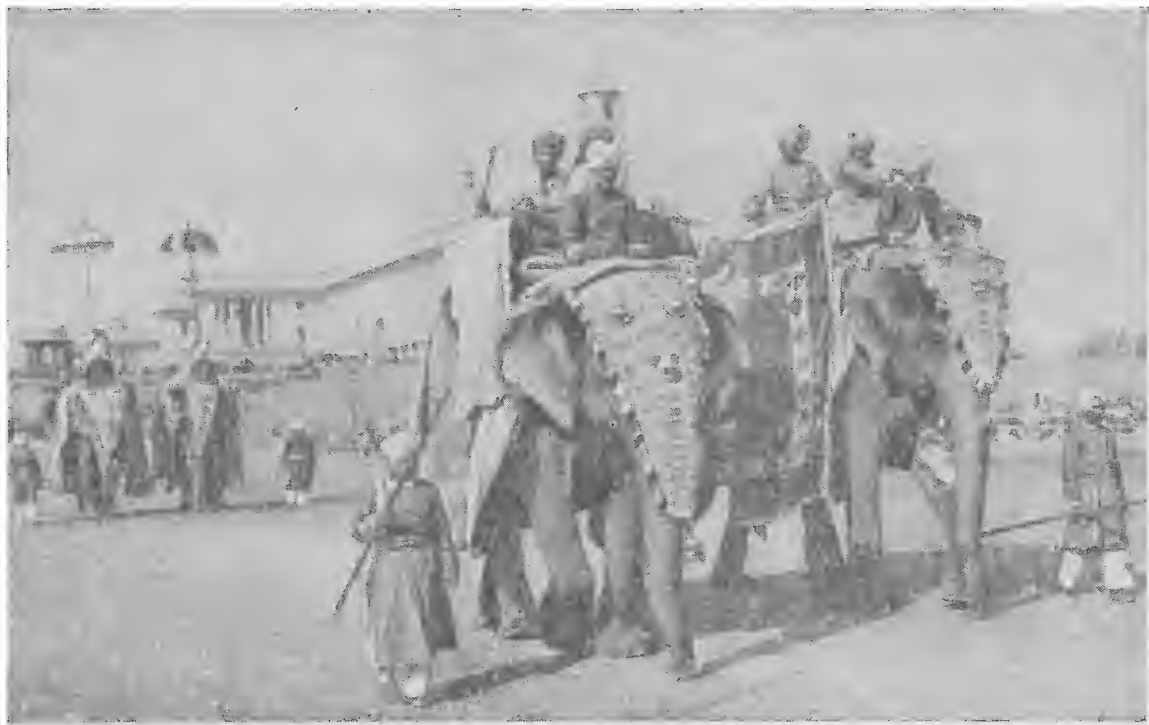
Вот и теперь. Я привез оттиски последних работ по природной очаговости болезней, переносимых насекомыми и клещами. В качестве личного подарка передаю небольшую, написанную маслом картину. На ней изображен занесенный снегом дачный погребок, несколько берез вокруг и следы от валенок на рыхлом, пушистом снегу. В таких уголках у нас раньше обычно зимовали комары *анофелес* — переносчики малярии. Сейчас школьники, неутомимые помощники маляриологов, вряд ли позволят уцелеть хотя бы одному комару. При помощи веников и щеток они весной сметают комаров и сжигают их на железных листах.

Но моих индийских коллег на картине заинтересовало совсем другое — снег. Они никогда не видели настоящего снега, да еще в таком количестве. Микробиологи благодарят за подарок и решают выставить его в институтском музее.

Вечером доктор Самбасиван, который знакомил меня с рядом научных учреждений, пригласил в гости к одному из врачей ВОЗ.

Мне показывают множество прекрасно выполненных цветных снимков. Некоторые из них воспроизводят те места, куда мне как раз предстоит поехать. Изображения рассматриваем на экране через небольшой фонарь. Роскошная тропическая природа, дикие слоны и буйволы, обезьяны на дороге, змеи на деревьях! Я признаюсь вслух о моей симпатии к змеям. Это вызывает оживление среди присутствующих.

— Э, раз вы любите змей, доктор, — восклицает

Праздничное шествие слонов в Дели

хозяин, — значит в Индии вы будете под постоянным кровительством самого Шивы, бога-повелителя змей.

— А насколько надежна эта защита? — осведомляюсь я — В Индии, как известно, от укусов ядовитых змей ежегодно гибнет около пятнадцати тысяч человек *. Или Шива опекает только приезжих?

Под общий смех доктор обещает дать мне ампулу с противоядной сывороткой и шприц.

— Я, — добавляет он, — конечно, верю в могущество Шивы, но шприц, когда иду в джунгли, на всякий случай ношу в кармане.

Переходим на открытый балкон и удобно устраиваемся в мягких плетеных креслах. Друзья обсуждают, чего следует остерегаться, как уберечься от убийственной жары юга, что можно есть.

Луна висит прямо над головой, почти не образуя тени. Ярко и ровно блещут звезды. Город засыпает, гаснут огни в окнах соседних домов, под балконом еще некоторое время грохочут по мостовой двуколки, шуршат последние машины. Городской шум постепенно стихает. На смену ему приходит шум ночи. Явственно слышен вой шакалов, но здесь он так же привычен, как у нас шелест троллейбусов.

Я задумался, глядя на город, озаренный необычным зеленоватым светом луны.

— О чем вы мечтаете, доктор? — Ко мне подсаживается хозяин дома. — Устали, наверно?

— Ничуть! Я думал сейчас о тех поездках, которые мне, молодому врачу, приходилось совершать по Сибири. Насколько мы тогда были беднее и хуже оснащены. В нашем багаже, а весь багаж-то обычно состоял из одного рюкзака, не было и сотой доли того, что имеется сейчас в арсенале паразитологов и маляриологов. Но мы ездили, лазали по болотам, бродили по непроходимым лесам, чтобы уничтожить переносчиков малярии. Если бы мне тогда сказали, что через 35 лет в нашей стране малярия будет полностью ликвидирована и я в поисках анофелесов стану ездить по Индии, я бы решил, что собеседник мой сошел с ума.

* В 1963 г., по данным ВОЗ, от укусов змей умерло около 15 тысяч человек. Индийские источники считают эту цифру заниженной и называют 40 тысяч. В настоящее время в Индии все шире применяется лечение от укусов змей специфической противоядной сывороткой.

Долго говорим о важности личных встреч для борьбы с болезнями и их переносчиками. Я вспоминаю, как участвовал в ликвидации чумы в Ираке, оспы и клещевого тифа в Иране.

За разговором время прошло незаметно. Пора и честь знать! Хозяин приглашает нас в машину, сам садится за руль и развозит по домам. В вестибюле гостиницы «Амбасадор» расстаюсь со своими новыми друзьями.

* * *

До сих пор не знаю, отчего произошла путаница с днем моего отъезда из Дели. Видимо, виноват был я сам: назвал другую дату вылета на юг. Но как бы то ни было, я радвался задержке: благодаря ей я получил целые сутки, совершенно свободные от всяких дел. Утром позвонил своему давнишнему другу, доктору Прему Лаллу. Пять лет назад мы познакомились с ним в Москве, которую он посетил в качестве члена делегации индийских врачей. Тогда я показывал ему наш Первый медицинский институт. Как только Лалл услышал, что я свободен, он радостно прокричал в телефонную трубку, что сейчас приедет.

Через полчаса мы уже катим по делийским улицам. Лалл счастлив, что может ответить на мое гостеприимство в Москве «той же монетой».

— Самое главное и наиболее интересное в моем чудесном городе, — начинает он...

— Но для меня тут все главное и мне все интересно, — прерываю его. — Показывайте все.

Останавливаемся возле недавно поставленного памятника Ганди. Здесь много алых цветов и зелени.

На территории Нью-Дели возвышается знаменитый храм Лакшминараян. Небольшой по размерам, он украшен тремя высокими четырехгранными башнями, слегка суживающимися кверху. Так точно найдены пропорции отдельных частей сооружения, что башни не только не делают его громоздким, но, напротив, придают ему необычайную легкость.

Сложен он из светлого желтоватого камня и окружен темной зеленью. Во дворе перед храмом — продолговатые бассейны с фонтанами.

Покоем и безмятежностью веет от этого места. Прохлада и тень находит здесь множество людей.

Лалл подвозит меня к памятнику XIII в. — знаменитому минарету Кутуб-минар.

— Двести тридцать восемь футов в высоту, — сообщает он.

Меня, правда, поражает не высота, хотя она и удивительна, а гармоничность и величественность башни. Собственно, это не одна, а пять поставленных одна на другую башен, напоминающих по форме шахматную ладью. Стены их не гладкие, а как бы гофрированные и украшены цветной мозаикой.

Каждый ярус заканчивается изящным ажурным балконом, который служит основанием для следующего яруса.

По винтовой лестнице можно подняться на самый верх.

И это стит сделать! Кутуб-минар — Эйфелева башня Дели. Отсюда город виден, как на ладони.

Во дворе мечети еще одна достопримечательность — знакомая по картинкам и книгам с раннего детства металлическая колонна. Она выглядит тонкой, легкой, хрупкой. Но хрупкость эта кажущаяся. Ей, этой колонне, полторы тысячи лет. Сделана она из стали, состава которой никто не знает. Какие металлы сплавил древний мастер? Случайно ли получили они этот редчайший по прочности сплав или ведали, «что творили»? Вот загадка для современной науки.

Дели поражает обилием птиц. Они живут в любом городе, но не в таком умопомрачительном количестве, как здесь. Деревья буквально усыпаны ими. Хлопанье крыльев, пение, щебет, карканье и множество других, не столь четко различимых звуков сливаются в общий гомон и гул, неумолчно стоящий над столицей.

Особенно шумливы вороны и скворцы.

Мир пернатых в Индии необычайно богат: 1517 видов прописаны там, из них 936 воробьиных. К ним, как известно, принадлежат и знаменитые индийские вороны. Вообще фауна страны чрезвычайно многообразна. Одних только молей, например, насчитывается 5618 видов. В сезон дождей они за несколько дней способны «посечь» любой шелк и шерсть.

Проезжаем мимо высоких домов с балконами, построенных прямо среди парков, минуем великолепные старинные городские ворота и попадаем на базар старого города. Как все базары на Востоке, он богат и красочен. От тысячи за-

Продавец овощей

пахов захватывает дух: пахнет цветами, цитрусовыми, луком, сладостями, жареной бараниной, дубленой кожей.

В лавчонках и ларьках весь товар выставлен напоказ. Лежат и развешаны куски шелковых тканей, ленты, бусы, обувь, овощи и фрукты. Все необычайно ярко и пестро.

Изделия из желтой кожи с красным тиснением сложены горкой — подушечки, сумки, бумажники. А рядом товар медников — красноватые и желтые сосуды, луженные изнутри. Неподалеку от них направо и налево черед крошечных лавчушек, двери некоторых завешаны мокрыми циновками. Вода, испаряясь, умеряет жару.

Многие разносят свой товар в корзине или горшке. Купец-«коробейник», держа плотно увязанный узел тканей на голове, шагает с метром в руках. Продавец игрушек предлагает сделанных из крашеной ваты и бумаги голубков, вращающиеся на ветру завитушки.

Водонос, с прикрепленным к поясу бурдюком, кричит: — Тханда пани (холодная вода)!

Какой-то человек несет на голове походную печь для разогрева «дал заг», похлебки из гороха и других овощей. Двумя сложенными вместе лепешками («чапати») черпают жидкость, а картошку или горох берут прямо пальцами.

Бобовых, орехов и фруктов едят много. Ведь большинство индийцев — вегетарианцы. Даже яйца, носителей заставляющей жизни, есть считается великим грехом.

Особенно любят здесь красный перец «чили». У европейца от него дерет горло и начинается приступ кашля. Да и сами индийцы запивают чили напитком или просто водой.

В «чайхане», как у нас в Средней Азии, пьют чай из пиаля и чашек, едят гороховую похлебку, освежаются sherbetом из фруктов. Пахнет бараньим салом, пряным дымком, чесноком и апельсинами. Кое-где пьют хмельной напиток из конопли — «бханга».

На узких улицах базара густая толпа. Глаза разбегаются от обилия впечатлений. У девушки на шее гирлянда цветов и желтоватых коконов, вырезанных в виде фестончиков. Это «мала» — знак внимания окружающих невесте. Лоб мужчины лет пятидесяти разрисован белыми линиями; лицо другого вымазано желтой глиной.

Около пальмы стоит бородатый сикх в просторном белом костюме и туго повязанном тюрбане. Лицо темное, почти черное, зубы под густыми усами ослепительно белые. Его собеседник наголо брит, глаза огромные и выразительные, нос с горбинкой.

Девушка из Ориссы, с гладко зачесанными волосами, по типу напоминает туркменку. В носу и ушах — серьги, в волосах — кольца, на шее — бусы и шнур с круглой пластинкой, на которой сверкают камни. На запястьях штук по двадцать ярких браслетов. На ней красное сари. Плечи и часть груди обнажены. Она слушает игру флейтиста. Мотив тосклив и тягуч, но девушке явно нравится. Музыкант одет в белый халат, из-под которого виден расшитый

За прялкой

кафтан: на малиновом бархате мелкая вязь рисунка, бляхи из серебра, цепи, многэтажные кисти и висюльки. Чалма, размером со зрелую тыкву, красна, словно мак.

— Он, вероятно, из Катхиявара или Гуджарата, — гадают Лалл.

Мы бродим по базару и прилегающим к нему улочкам несколько часов. Смотрим, как в умелых руках мастеров рождается из меди красивая ваза с множеством переплетающихся узоров. Молоточком и резцом кустарь сбивает стружки с точностью до десятых долей миллиметра.

Другой кустарь сидит разувшись и пальцами ног удерживает деревянную пластинку, а руками стучит молотком по долотцу, вырезая тонкий рисунок.

На сцене небольшого кафе — босая танцовщица в сари из красного шекла; рукава, пояс, шапочка из парчи. Бусы, кольца, ожерелья сверкают поддельными камнями.

Непрерывно угощаем друг друга то фруктами, то сладостями, то прохладительными напитками. Но от пестроты, шума и сутолоки хочется уйти куда-нибудь, где тихо и прохладно.

— Поедем-ка в парк, — предлагает Лалл.

Мы отыскиваем нашу машину и снова пускаемся в путь. На дороге лежит сердитая, видно очень голодная, корова.

— Все необычно и своеобразно в Индии, в этой стране слонов, кобр, обезьян и меланхолических коров, — декламирую я.

Лалл смеется.

— Дались вам наши коровы! Вы же знаете, жизнь любого существа у нас священна. Уважение ко всему живому, ко всякой твари, и полезной и вредной, вошло в плоть и кровь нашего народа! Может быть, это и хорошо! Может быть, это проявление высшей гуманности — не знаю! Знаю только, что эта гуманность обходится нам невероятно дорого. Одни только крысы и дикие обезьяны съедают 10 процентов всего урожая.

Корове в Индии поклоняются как символу всей природы. Поэтому не удивляйтесь тому, что на базаре корова получает ботву из рук торговца овощами, что мы терпеливо объезжаем ее, если ей вздумается улечься на дороге. Вот, полюбуемся!

На узкой улочке индиец совершал сложный обряд. Мы останавливаемся под деревом и наблюдаем за его странными действиями. Он сел возле коровы на корточки и обмыл ей копыта, сперва ее же молоком, потом водой. Покормив корову рисом и сахаром, индиец раскрасил ей голову сандаловым и каким-то еще цветным порошком. На рога и ноги надел гирлянды цветов. Затем, окулив корову ладаном и покрутив над ее головой зажженной лампой, он трижды обошел вокруг животного. Отдохнув, он наполнил кружку водой, макнул в нее кончик коровьего хвоста и залпом выпил воду.

— Ничего подобного я не видел, — признаюсь я.

— И никогда не увидите! А у нас это так же обычно, как у вас на улице курить папиросы. — Лалл устало машет рукой. — Муха, комар, муравей, паук, змея — все они братья человека. Корова тем более наш друг, поскольку она кормилица семьи.

— Ну а если бы кобра заползла в ваш дом, неужели вы не прикончили бы ее на месте?

— Конечно, нет. Я осторожно поддел бы ее на палку, отнес подальше и выпустил на свободу.

— А если бы она вас укусила?

Лалл пожимает плечами и едва сдерживает улыбку.

— Вероятно я произнес бы мантру*. Если бы она не помогла, решил бы, что это предопределение, и спокойно оставил свое брренное тело, чтобы перейти в другое**.

Горькая ирония звучит в ответе Лалла.

На одной из улиц, в тени деревьев, нависших над железной оградой, большая толпа. Перед ней, почти прижимаясь спиной к ограде, молодой индеец, красивый, смуглолицый, в белоснежной одежде, что-то горячо говорит, размахивая руками. Внезапно он наклоняется к плетеной корзине, быстрым движением вытаскивает из нее змею и обертывает вокруг шеи.

— Лалл! Прошу вас, давайте остановимся. Ведь это укротитель змей.

— Так мы же стоим на месте, разве вы не заметили? — улыбается он. — Но должен вас разочаровать, это вовсе не укротитель. Вы присутствуете на лекции в уличном университете. Молодые ученые и студенты выступают прямо на улицах, перед всеми, кто хочет их слушать.

Подходим ближе. Юноша демонстрирует прекрасный экземпляр кобры. Бесцеремонность обращения со змеей меня пугает.

— Осторожнее, укусит! — восклицаю, не удержавшись.

— Не беспокойтесь, ей нечем кусать! Смотрите!

Он двумя руками открывает пасть змеи. Видны бледно-розовые десны, мелкие зубы, но двух ядовитых зубов, обычно расположенных спереди, среди складок десен, действительно нет.

Я объясняю этим людям, как дурачат их факиры. Игра на флейте не в состоянии зачаровать змею просто потому, что змеи почти глухи и не слышат музыки. Среднее ухо и барабанная перепонка у них атрофированы. Очевидно, при тесном соприкосновении с землей змеи брюхом воспринимают различные колебания, в том числе и звуковые.

— Значит, эта полуглухая кобра без зубов совсем не опасна? — спрашивает юноша в костюме маляра.

— Опасна! У кобры время от времени появляются новые зубы вместо вырванных. За этим надо внимательно следить, такие случаи бывают, и нередко.

* М а н т р а — молитва в стихах, заговор.

** В основе индуизма лежит представление о переселении душ (перевоплощении); индусы верят, что после смерти человека его душа переселяется в другое живое существо

— Новые зубы? — удивляется юноша. — Этого я не знал. Значит, если кобра ими укусит, человек обязательно погибнет?

— Такая крупная кобра, как эта, способна ввести при укусе не менее 50 миллиграммов яда. А чтобы погубить взрослого человека, достаточно и половины этой порции.

— Следовательно, чтобы убить слона, кобра должна укусить его раза три, — предполагает пожилой индеец.

— О, нет. Кобра кусает слона в самый кончик хобота, и он погибает через три часа. Не все животные одинаково чувствительны к яду одной и той же змеи. Равное количество яда гремучей змеи, например, может убить 24 собаки, 60 лошадей, 600 кроликов и 300 тысяч голубей.

— Я слышал, что змеиный яд теперь используют для приготовления лекарств? — спрашивает сикх в большом тюрбане.

— Яд как лечебное средство известен очень давно. Еще в I в. н. э. греческие врачи готовили из него лечебные препараты. Врачи прописывали больным вареных и жареных гадюк, супы и студни из змей, порошок из сердца кобры и печени гадюк. Они на спирту настаивали змеиные головы и вытяжку давали при лихорадке, оспе, эпилепсии. Змеиный жир считался отличным средством при ушибах, применялся для заживления ран и лечения болезней глаз. Слабые растворы яда принимали внутрь туберкулезные больные. Женщины, заботящиеся об уничтожении морщин, веснушек и улучшении цвета лица, втирали мази из змеиного яда. Теперь он применяется при маточных кровотечениях и повышенной кровоточивости — гемофилии. Особенно хорошо на гемофиликов действует яд индийской гадюки Руселла. Советский ученый А. С. Мелик-Карамян при лечении рака пищевода пользовался препаратом, приготовленным из яда среднеазиатской кобры. Боли утихали или даже прекращались, у больных появлялась проходимость пищевода, улучшалось самочувствие.

Я увлекся: о змеях могу говорить без конца!

Присутствующие внимательно следят за рассказом, задают вопросы. Наша беседа грозит затянуться, и Лалл торопит меня.

— Вот и вы, доктор, прочли лекцию в нашем уличном университете.

— Это прекрасное начинание — лекции прямо на улицах! Значит, можно рассказать всем, что нельзя пить сы-

рую воду, есть немытые овощи, что надо остерегаться мух и комаров.

— И убивать лежащих на дороге упрямых коров! — мрачно добавляет Лалл.

— Таких университетов нет даже у нас!

— Вам они и не нужны при обязательном среднем образовании, поголовной грамотности и отсутствии факиров. Но, конечно, это хорошее начинание, и мы его поддерживаем. Сюда приходят врачи, инженеры, агрономы. Они собирают вокруг себя прохожих и сообщают им, что нужно знать о достижениях науки и как использовать их в практической жизни. Лектора спрашивают подчас о вещах, никак не связанных с темой лекции. Такая непринужденная форма общения со слушателями стала у нас уже традицией.

Лалл подвозит меня к гостинице. Мы долго прощаемся, крепко пожимаем друг другу руки. Ни ему, ни мне не хочется расставаться, тем более что никто из нас не знает, когда доведется встретиться еще. Он обнимает меня и решительно идет к двери.

До свидания, дорогой друг!

НА ЮГ

Из Дели я вылетаю в Бангалур. Перелет оказался не слишком продолжительным. Через несколько часов мы снижаемся и садимся на большом аэродроме.

— Бангалур! — решаю я.

Пока выгружают багаж, внимательно рассматриваю роскошную растительность и прячущихся в ветвях птиц.

— Скажите, пожалуйста, — обращаюсь я к носильщику в тюрбане и костюме из тонкой хлопчатобумажной ткани, — далеко ли от аэродрома до самого Бангалура?

Носильщик понимает английскую речь, смотрит на меня не мигая и, почесав одной босой ногой другую, отвечает:

— Но вы же не в Бангалуре, а в Хайдарабаде, сахиб. Отсюда до Бангалура еще два летных часа. Здесь просто пересадка.

В справочном бюро узнаю, что самолет на Бангалур будет только через четыре часа. Отмечаю билет, беру такси и мчусь в знаменитый Хайдарабад, еще недавно столицу богатейшего феодального княжества Хайдарабад, а ныне главный город национального штата Андхра Прадеш.

Город расположен на правом берегу реки Муси, обильно орошающей землю прибрежных районов. Основан он в конце XVI в. Мухаммедом Кули-Кутуб Шахом, правителем королевства Голконды и известным поэтом.

Множество мечетей придают Хайдарабаду мусульманский облик, несмотря на обилие ультрасовременных зданий. Тонкие, высокие, словно ракеты на старте, минареты возвышаются над дворцами, домами с плоскими крышами, крепостными стенами. Мечети, как всегда, вызывают чувство какой-то печали и грусти. Возможно, это впечатление создают огромные пустынные дворы — неизменная принадлежность мечетей.

На центральной площади — замечательный памятник XVI в. «Чар-минар». Это продолговатое здание с большой аркой-воротами в центре и четырьмя стройными белыми минаретами по углам.

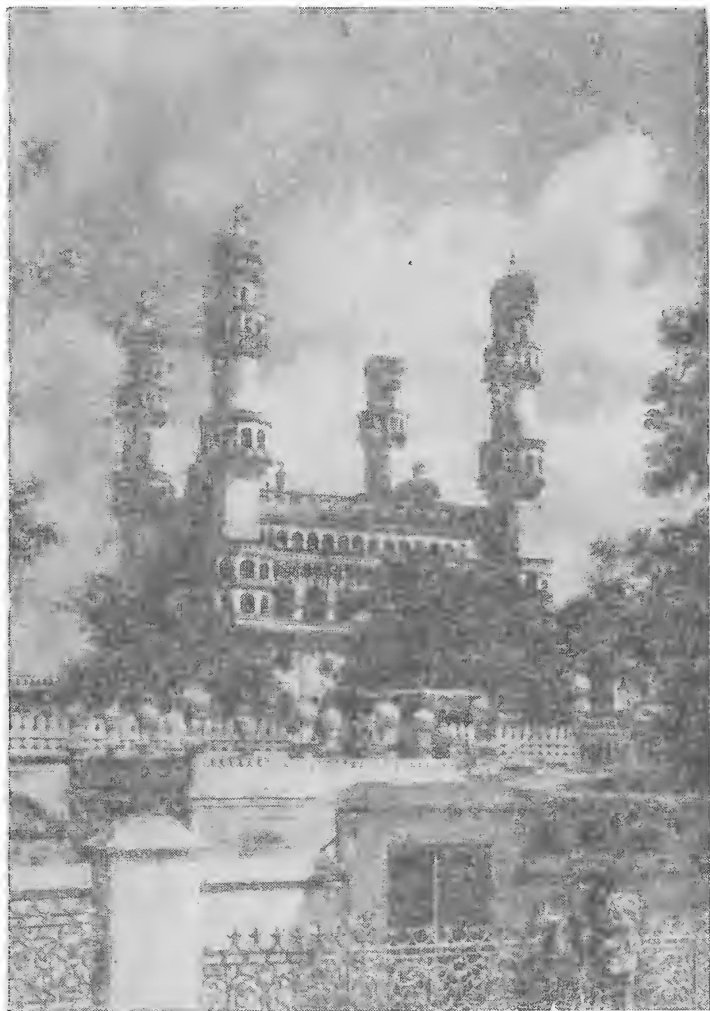
Улицы Хайдарабада, как и улицы любого южного города Индии, полны ярких красок и разительных контрастов.

У перекрестка по сигналу полисмена застыли лакированные лимузины. Рядом остановились меланхоличные белые быки, впряженные в грубо сколоченную повозку.

Времени у меня в обрез. Еще по дороге с аэродрома я ломал голову над тем, как успеть за четыре часа осмотреть город, побывать в Османском университете, пробежать по аллеям богатейшего зоологического сада и хоть бы взглянуть на развалины легендарной Голконды. Задача не из легких! Но решение пришло само собой: я так увлекся созерцанием мечетей и иных архитектурных сооружений, что теперь надо выбирать между университетом, зоопарком и Голкондой. Колеблюсь недолго: в конце концов все университеты мира, а крупные особенно, похожи друг на друга, в зоопарке меня, вероятно, более всего поразила бы лошадь в неволе (непривычное зрелище), а вот Голконду нигде больше не увидишь.

Машина поднимается на невысокий холм по спирали. Когда-то этот холм и крепость справедливо считались неприступными. Ее окружают массивные высокие стены.

Руины цитадели хранят следы былого величия. Поражает акустика: если хлопнуть в ладоши вниз, возле главных ворот, звук хорошо слышен в самом высоком месте крепости. Такого рода звуковая сигнализация, осуществлен-

«Чар-минар»

В Бангалуре

ная искусными строителями, нужна была для целей обороны.

Не менее интересно устройство водопровода. Несколько водоемов соединялись между собой сетью подземных труб, по ним вода поднималась из основного водохранилища в королевский дворец на вершине холма.

Войска могольского императора Аурангзеба разрушили прекрасные дворцы Голконды и разграбили ее богатства. Время тоже не пощадило этот чудесный памятник, и лишь уцелевшие крепостные сооружения да остатки стеной лепки

и колонн позволяют судить, как величественна и красива была прославленная поэтами, блестящая и таинственная Голконда.

Почти пробегаю по ее лабиринтам и, вздохнув, устремляюсь вниз, к такси. Бросаю прощальный взгляд и с досадой захлопываю дверцу.

До Бангалура почти 500 километров, самолет доставит нас в этот город солнца и зелени менее чем за два часа. Сверху хорошо видны белоснежные стены и башни нового дворца махараджи, аллеи парка Лала Баг и ботанического сада, множество мечетей и индуистских храмов. Сосед по креслу сообщил мне, что в одном из них находится знаменитая статуя богини красоты.

В толпе встречающих нахожу представителей ВОЗ — докторов А. Родда, Г. Четти и Раджа Рао.

Недолгий отдых в гостинице, и вот уже мы на машине мчимся в Майсур.

МАЙСУР

Дорога нелегкая — слева скалы, справа пропасть, на крутых подъемах машина дрожит от напряжения. Встречные машины, проезжая, почти касаются нашей. За рулем доктор Четти. Водитель он превосходный, и, хотя вести машину в таких условиях трудно, он умудряется рассказывать мне о местах, которые проезжаем, и обмениваться шутками с сидящим сзади Рао. Доктор пытается выяснить, что интересует меня более всего. А меня, естественно, интересует все. Вот показались странной формы деревья — я прошу остановить машину, появляется стадо обезьян — снова задержка.

— Вы это увидите еще много, много раз! — восклицает Четти, очевидно, потеряв терпение.

— Но не будет такого чудесного коридора, образуемого корявыми корнями и ветвями одного дерева.

Четти покорно тормозит, и я бегу снимать баньян, или *фикус бенгалензис*. Это одно из самых удивительных растений земного шара, и его, бесспорно, следовало бы отнести к чудесам света. Случайно занесенные птицами или ветром, семена баньяна быстро разрастаются, и молодая поросль постепенно оплетает всю крону «хозяина». Тонкие ветви, словно змеи, свисают гирляндами и образуют бес-

численные воздушные корни. Добираясь до почвы, они укрепляются в ней и со временем превращаются в толстые стволы иногда до 2 метров в диаметре. От них тянутся боковые ветви, хаотически переплетающиеся друг с другом. Иной раз трудно поверить, что вся эта корнестеблевая поросль — всего лишь одно дерево. Известны гиганты, кроны которых закрывает площадь до 300 метров.

Под сенью баньяна ничего не растет, он ревниво хранит оккупированную территорию, жадно извлекая из почвы воду и питательные соки. Плоды дерева съедобны. На его ветвях обитает несметное число насекомых, и с их помощью молодые побеги баньяна выделяют натуральную смолу — шеллак, применяемый в лакокрасочной промышленности.

Длинный тенистый тоннель, по которому мы едем теперь, образован ветвями разных деревьев. Их густые вершины прочно сцепились, заслонив дорогу от палящих лучей. Тут прохладно, и потому коридор облюбовали обезьяны. Макаки едва видны среди листвы: зеленовато-желтая шерсть делает их незаметными. Длина тела животного — около 65 сантиметров, хвоста — 25 сантиметров. На красноватом «лице» поблескивают довольно смысленные карие глаза.

Мы тормозим и громко сигналим, надеясь, что обезьяны разбегутся и дадут проехать. Но в каждом стаде отыскивается несколько храбрецов, которые сидят на дороге или чуть пятятся назад, согласовывая свое отступление с движением машины.

— Вот где запасы прекрасных подопытных животных! — восклицаю я с завистью.

— Э, нет, — возражает Четти, — в Индии это сложно: трогать животных ни в коем случае нельзя. Заберется в дом обезьяна — к счастью, заползет кобра — к добру. Хозяин отнесет ее подальше в поле, положит в траву и покорно попросит захаживать еще и еще раз. А будешь с ней непочтителен, пожалуй, еще отомстит, накличет болезнь.

Кобра — всемогущее божество. У нас существует праздник «нага панчами» («пятого дня»), посвященный кобре. В дни праздника население выставляет возле домов блюда с молоком и корзинки с фруктами для змей, хотя известно, что змеи ими не питаются; в лес в это время ходить запрещается, дабы не потревожить покой кобры.

Обезьяна — священное животное

— Вы, европейцы, не можете представить себе, как сильны предрассудки в нашей стране.

— Да и в России до революции их было немало! В первые годы Советской власти тоже приходилось воевать с ними, особенно в Средней Азии и в глухих сибирских деревнях. А посмотрели бы вы на эти места сейчас! Я уверен, что многое изменится, если Индия станет страной сплошной грамотности.

— Нам нужны доступные для всех рабфаки, вечерние школы. Боюсь, правда, что и это не даст таких уж быстрых

и ощутимых результатов: ведь в основе всего лежит глубокая убежденность каждого индийца, что всякая жизнь священна.

— Но почему же свою жизнь он не считает столь же священной, как, например, жизнь кобры? Ведь ее укусы грозят ему смертью, и было бы логично, если бы, защищая себя, он убил ее?

— А кто знает, чья душа переселилась в тело этой змеи, — мечтательно произносит Четти.

— Но сами-то вы убили хоть одну змею? Или вы тоже верите в переселение душ?

— Перестаньте волноваться, дорогой доктор, — трогает меня за руку Четти. — Мой народ слишком часто встречал змей, шакалов и тигров в образе людей, чтобы не поверить в то, что и люди могут скрываться в облике зверей. Только звери куда безобиднее.

Дорога ведет нас все дальше на юг. Кажется странным отсутствие машин и пешеходов, но часто встречаются упряжки быков. Неожиданно появляются два слона. Они черны, как сажа. К их спинам прикручен несложный скарб; переселенцы — мужчины, женщины, дети — идут рядом.

Еще издали замечаю вокруг глаз, ушей и у основания хобота слонов розовые пятна с черными крапинами. Зная, как любят индийцы украшать животных, я сначала принял эти пятна за декоративную раскраску, но, когда слоны поровнялись с нами, стало видно — это следы тяжелой работы. Позже я не раз замечал их у слонов в тех местах головы, которые чаще всего соприкасались с бревнами, камнями и цепями.

Из-за поворота показался Майсур. Он широко раскинулся на плоскогорье Декана, приподнятого в Западных Гатах почти до 2 тысяч метров над уровнем океана.

Очень жарко, а тут еще ветер бесчинствует и гонит навстречу нам горячие струи воздуха. Над городом висит знойное марево.

Климат здесь тропический, муссонный, среднемесячная температура в мае +32 градуса. За год в штате выпадает до 1500 миллиметров осадков, 80 процентов которых приходится на сезон дождей — май—октябрь.

Майсур заставляет влюбиться в себя сразу и навсегда. Красота его тенистых широких улиц, парков, окрашенных в нежные, пастельные тона, домов, заросших диким виноградом, густая зелень приусадебных садов и клумб с удиви-

тельно яркими цветами поражают. Кажется, что ты попал не в город, а в огромный парк. Ни потоки машин, ни кварталы современных зданий с огромными витринами, ни рекламы не в силах нарушить это очарование.

Город очень богат памятниками. Дворец бывшего махараджи — еще одно свидетельство блестящих творческих возможностей индийского народа. Создание его относится к периоду существования самостоятельного государства Майсур, крупнейшего на юге Индии.

Дворец выполнен в мавританском стиле. Снаружи он похож на ларец из слоновой кости. В стене, окружающей его, четыре входные арки, отличающиеся друг от друга по форме, размерам, рисунку, абрису легких мраморных колонн, поддерживающих своды арки, наконец, по форме самого свода. Каждая арка — шедевр. Изумителен и маленький храм из белого мрамора, нечто вроде часовенки, стоящий у главного входа во дворец.

Стены этой «часовни» от основания до крыши покрыты тончайшей вязью орнаментов, мотивы которых ни разу не повторяются.

Многочисленные балконы, балкончики, лоджии дворца поддерживаются монументальными колоннами. Такие же колонны, только меньшие, составляют наличники глубоко утопленных оконных проемов. И все — стены, колонны, балконы, лоджии — украшено сплошным кружевом резьбы по алебастру и мрамору. Огромные настенные медальоны и барельефы кое-где расцвечены яркими красками.

Открытая терраса покрыта вычурным узором из цветных мраморных шашек. Внутренняя отделка так же роскошна, как и наружная.

Несколько раз в году на широкой площади перед дворцом устраиваются карнавалы, факельные шествия, парады. Подобным образом отмечаются религиозные праздники — дни рождения Кришны, Шивы, Ханумана (божества, символизирующего физическую силу, покровителя обезьян), девятидневное прославление богини Дурги — и политические события. Непременные участники торжеств — слоны. Богато разодетые, в парчовых и бархатных пополах, в пышных султанах из страусовых перьев, они несут крытые паланкины и неторопливо и важно проходят мимо иллюминированного дворца.

Однако сам дворец — бывшая резиденция английского губернатора — не популярен у майсурцев, и не только

Поэтому, что выстроен он не по традиционным канонам, но главным образом потому, что дорого обошелся городу, принявшему на себя все расходы по его строительству и содержанию.

На горе, господствующей над городом, раскинулся огромный парк Шамунди. Кроме шоссе к нему ведет пешеходная дорожка, выложенная из камня. Чтобы подняться по ней, надо преодолеть тысячу крутых ступеней. В парке возвышаются храм Срирангапатна и небольшой летний дворец, принадлежавший одному из древних правителей Майсура, Райендре. В парке я увидел статую, знакомую по картинкам еще с детства, — огромную, высотой в 7 метров, ярко разрисованную фигуру раджи в пышном одеянии. Усатый, с вытаращенными, как у рака, глазами, он стоит, держа в правой руке обнаженную кривую саблю, в левой — извивающуюся кобру. Это Монстр Махисасура, жестокий тиран, беспощадно расправлявшийся со всеми, кто был ему негоден или вызывал подозрение. Хитрый, коварный и злой, он собственноручно рубил головы подданным. Его убила молодая девушка по имени Шамунди, мстившая за казнь жениха. Могила девушки находится тут же.

На склоне горы стоит знаменитая пядиметровая скульптура священного быка Нанди, на котором, по преданию, Шива спустился с горы Кайласа (своего обиталища). Скульптура воздвигнута в 1659 г. Почитатели старательно умащивают ее душистыми маслами и благовониями, отчего поверхность ее блестит и сверкает под лучами солнца. На откиннутые назад уши, на хвост и ноги быка надеты венки из свежих цветов жасмина. Вот и сейчас почти голый мали (садовник) сыплет на голову божеству приношение: соль, бетель и лепестки цветов. Он громко призывает Нанди отвлечь гнев Шивы от нечестивца, убившего нечаянно кобру. Шива, конечно, послушает его, поскольку сам когда-то садился верхом на быка, и теперь вряд ли откажет своему другу в просьбе.

Нанди обслуживает целый штат индуистских монахов. Они неплохо кормятся около каменного идола.

Майсур — крупный культурный центр. Здесь сосредоточено 12 учебных заведений, в том числе университет с богатой библиотекой, Восточный научно-исследовательский институт, насчитывающий в своем книгохранилище 12 тысяч древних манускриптов, литературные произведения на языках многих народностей страны, редчайшие сочинения

Монстр Махисасура

Каменный бык Нанди

по искусству и поэзии, Инженерный национальный институт и Институт высшего образования.

В городе имеется и ряд колледжей — медицинский, педагогический, юридический и др.

Тяга к образованию у молодежи огромна. Лекционные залы, библиотеки, читальни и научные кабинеты всегда полны студентами и учащимися средних школ.

Хорошо посещаются театр оперы, кинотеатры, в которых демонстрируются преимущественно индийские фильмы; показываются в них также английские и американские боевики.

Вечерами на верандах домов или просто на улицах молодежь поет и танцует. Без специальных подмостков и декораций даются даже балетные представления. Любой уголок парка при необходимости превращается в сцену. Эти уличные представления нередко возникают стихийно. Зрители, что называется, под рукой. Окружив кольцом «артистов», они часами смотрят на любимое зрелище — танцы-пантомимы.

* * *

Мы подружились с Четти. Он познакомил меня с женой, очень милым, приветливым человеком, и с двумя веселыми ребятами.

Я часто проводил у них свободные вечера, и мои воспоминания о пребывании в Индии неразрывно связаны с их домом.

Как-то один из наших коллег пригласил меня и Четти к себе. Он жил в двухэтажном особняке, окруженном прекрасным садом, в котором росли манго, веерообразные пальмы, кофейные деревья. Хозяин, большой любитель садоводства, постоянно занимался прополкой, подрезкой, подсадкой и не устал гоняться с палкой за «разбойниками»-обезьянами, когда они забирались к нему полакомиться фруктами. Подобная сценка разыгралась при мне. Обезьяна, осторожно перелезла через забор и стала торопливо выдирать из земли какие-то коренья. Хозяин, довольно тучный человек с копной седых волос, вдруг на полуслове оборвал разговор и, прыгнув с поразительной для его возраста легкостью, схватил за шиворот воришку. В следующее мгновение над забором пролетело зеленоватое тело с длинным хвостом и растопыренными лапами. Признаться, я не ожидал от доктора такой прыти.

— Это опасная тварь, — сказал Четти, — с ней надо быть осторожным. Укус обезьяны опасен. Известны даже случаи со смертельным исходом. В зубах ее много бактерий, да и слюна может быть ядовита. Более того, обезьяны — носители малярийных плазмодиев. Правда, возбудитель этой болезни по внешнему виду отличается от плазмодия, вызывающего малярию у человека, но недавно врач, работавший с комарами, которые были накормлены кровью малярийной обезьяны, заразился. Если подобные случаи повторяются, то диких обезьян надо будет уничтожать так же, как комаров.

— Но ведь ваша религия считает их священными.

— В том-то и беда. Впрочем, жизнь комаров тоже священна, однако даже садху (святые) бьют их сейчас беспощадно. Дойдет очередь и до обезьян.

Я смотрю на Четти, он улыбается.

— Ну, до обезьян доберутся не скоро. Доктору придется караулить сад пока самому.

В доме нас ждет ароматный кофе. Хозяин всячески его расхваливает.

— Этот сорт я вывел у себя в саду, — сообщает он. — Попробуйте, как хорош!

Кофе и в самом деле очень приятный, но не слишком крепкий.

— Если вы предпочитаете крепкий, тогда нужно пить шакалий кофе.

— Шакалий? Это что ж, название сорта?

— Не совсем; впрочем, пожалуй! Шакалы такие же воры, как и обезьяны. В прошлом году они перегаскали у нас ремни, обувь, тряпки, одежду, кур, а однажды забрались в детскую комнату и поели всех резиновых и картонных кукол. Они часто совершают набеги на сады, огороды и плантации, поедая в большом количестве кофейные зерна. Плотная кожица препятствует разрушению и перевариванию зерен, они лишь пропитываются кишечным соком и становятся бурыми. Предприимчивые хозяева кафетериев и ресторанов скупают отмытые от примеси шакальих «погадков» зеона, сушат их, жарят и размалывают. Пребывание в кишечнике шакала напитку из них придает, по утверждению любителей, особенно приятный вкус и крепость.

В Индии мне рассказывали о многих способах приготовления кофе (например, с чесноком), но о «шакальем» я слышал впервые.

В комнатах полумрак и довольно прохладно. Спущенные до пола оконные шторы защищают от палящих лучей солнца, чуть слышно шумят электрические вентиляторы. В широкогорлых вазах благоухают срезанные цветы. На их стебельки наброшены тонкие колечки разноцветной бумаги.

Жена доктора не принимает участия в разговоре, она лишь внимательно следит за ходом беседы и приветливо улыбается. Дети, сначала стеснявшиеся посторонних, теперь освоились и с криком носятся по комнате. Не без удивления отмечаю, что у всех у них, даже у четырехлетнего малыша, густо подведены глаза. По мнению хозяина дома, подобная косметика на юге необходима: сурьма предохраняет от распространенных здесь глазных болезней.

Мы выходим на балкон полюбоваться закатом.

У нас такие яркие закаты бывают только после грозы. Облака сгущаются и распадаются, огненный шар скрывается за пальмовой рощей, и все окружающее постепенно приобретает иные краски: розовые цветы превращаются в кроваво-красные, синие плети глициний становятся сиреневыми, а листья деревьев — салатно-желтыми. Наконец наступает полная тьма, и небо покрывается звездами.

У девочки густо подведены глаза

К вечеру состоятельные индийцы любят менять туалеты. Мужчины надевают чистые «малмалы» (род узких длинных блуз из тонкого шелка), тюрбаны и деревянные сандалии с пуговицей, которую захватывают пальцами ног.

Женщины носят плотно облегающие шею и грудь вышитые золотом короткие корсажи, сари из атласа и множество украшений — браслеты на руках и ногах, кольцо с изумрудами и сапфирами, золотые часы. На пальцах ног — перстни, на шее и волосах — гирлянды из свежих цветов.

Все сидят на коврах и подушках, жуют бетель, курят трубку с длинным чубуком или индийские сигары.

После вечернего чая подружки хозяйки исполнили танец. Танцы катхакали на юге считаются классическими. Язык

Танцовщица

жестов в них строго подчинен определенным правилам. Позициями пальцев рук («мудра») в сочетании с различными жестами и позами танцовщик может выразить застенчивость, изобразить лотос на стебле, ливень и дождь, открытую пасть крокодила, показать преследование демона. Жесты помогают зрителям следить за разворачиванием событий, за сюжетом. Знатоки улавливают самые тонкие нюансы выражения чувств исполнителя, я же без их помощи не мог разобраться в значении жестов и в конце концов махнул рукой и стал внимательно следить за всей группой танцующих.

Танцоров сменили певцы, исполнявшие какую-то печальную песню. Пастушья свирель (дудка из тростника) и барабан вторили односложному, множество раз повторявшемуся мотиву.

Очень интересным оказался любительский оркестр. Его участники (домашние, соседи и гости), по-видимому, хорошо сыгрались. Инструменты представляли собой бам-

буковые трубки разной толщины и длины, каждая из которых издавала одну-единственную ноту. Дирижер, зная возможности всех инструментов, вовлекал их всякий раз, как это требовалось. Почти невероятно, но мелодия передавалась с абсолютной точностью, и я не заметил ни одной ошибки. А ведь обнаружить их мне было бы не трудно: музыканты исполняли «Подмосковные вечера».

ПО СЛЕДАМ МАЛЯРИИ

Четти много времени проводит в лаборатории противомалерийной станции, расположенной на окраине Майсура, он тщательно готовится к совместной поездке по районам штата. Еще и еще раз проверяем сводки, изучаем последние сообщения о свежих случаях малярии, сопоставляем эти данные с прежними сведениями. Четти то и дело подходит к картам и схемам, развешанным по стенам небольшой комнаты.

— Вот тут, в этих местах, не так давно от малярии умирали сотни людей. Теперь, как видите, случаев со смертельным исходом почти нет, а больных — только несколько десятков.

— А здесь, — он обводит указкой большой кружок на карте, — малярия исчезла. Еще года три, и мы уничтожим ее во всем штате!

— Очень хочется верить, дорогой друг, что будет так, — говорит вошедший в комнату Рао, — но, боюсь, три года слишком малый срок.

Реплика спокойного и сдержанного Рао вызывает у пылкого Четти бурную реакцию.

— Вы же лучше, чем кто-либо другой, знаете, каких успехов мы добились. Вспомните, что делалось вокруг Майсура, да и в самом Майсуре десять лет назад! В некоторых деревнях в иные дни лежали почти все жители. Ни одна эпидемия, даже самая страшная, не уносила столько жизней, сколько из года в год уносила малярия.

— Да, да, — соглашается Рао. — К счастью, мы не можем показать вам то, что было в прошлом.

— Да и не надо, — машу я рукой, — слишком тяжелые ассоциации. Три года действительно большой срок, и за это время можно сделать немало, особенно если за работу возьмутся такие энтузиасты, как вы.

В штате Майсур, судя по картам, много заболоченных районов.

— Ведь можно же осушить эти проклятые болота, — говорю я.

— Безусловно, но тогда вряд ли там можно будет сеять рис. Впрочем, мы поедем туда, и вы все увидите сами.

Горное село Махрдезваран Хилл в соседнем штате Мадрас (150 километров от города) — старый очаг малярии. Оттуда давно нет сведений, хорошо было бы начать нашу поездку именно с него. Выясняется, что май — самый подходящий месяц: в другое время года до села не добраться. Дорога туда идет через джунгли. В ряде мест ее пересекают ручьи и речушки. Не страшные сами по себе, они после дождя становятся абсолютно непроходимыми. До дождей в нашем распоряжении есть несколько дней, и мы решаем выехать незамедлительно.

— Вот и чудесно, — радуется Четти, — завтра утром и выедем.

Оперативность Четти можно сравнить разве только с его пылкостью. Уже с вечера было подготовлено все — и машина, и ящики с микроскопом, красками, реактивами и медикаментами.

Ранним утром, когда весь город еще спит, машина с красным крестом покидает Майсур. Кроме Четти, Рао и лаборантов с нами едет госпожа К. Нагарамнана — член майсурского муниципалитета.

В пригороде мчимся по отличному шоссе, обсаженному необыкновенными деревьями с красными цветами. У нас нет растений, даже отдаленно напоминающих эти, оттого, быть может, они производят ошеломляющее впечатление. Представьте себе аллею деревьев, кроны которых словно охвачены ярким пламенем. На ветровом стекле вспыхивают красные отблески. В перспективе образуется стена сплошного огня, и кажется, что мы проносимся сквозь пламя костров.

— Мы не сгорим в этом пламени, доктор? — спрашиваю Четти.

— О, нет. Это всего лишь *спотодеа бомбакс* (огненная акация). Вот я видел людей, ступавших по раскаленным углям босыми ногами, — это зрелище поинтереснее. Здесь, на юге, есть секта огнепоклонников. В определенный день (неясно, почему именно его выбирают из прочих дней года)

целая группа людей босиком идет по дорожке, выложенной раскаленными углями.

Обычно об этом узнают заранее, и собирается огромная толпа зрителей, съезжается множество туристов, особенно врачей, репортеров, кинооператоров.

Самое любопытное — никаких ожогов, в этом я убеждался не раз. Не бывает даже обычной красноты. Ничего, как будто человек прошел по мягкой траве.

— Вероятно, тут есть какой-то секрет?

— Возможно. Но в течение столетий никто так и не разгадал его, а уж кто только за это не брался. Точно известно лишь одно — испытанию огнем предшествует длительная психологическая подготовка: песни и молитвы в течение месяца. А потом по знаку жреца члены секты один за другим, твердо ступая босыми ногами по пылающим углям, проходят 5—10 метров. Если это фокус, то, конечно, удивительный.

— Может быть, объяснение надо искать в том, что подошвы ног влажны от пота и влага, испаряясь, образует нечто вроде защитной оболочки вокруг ступни. Суют же мокрую руку в огонь.

— Да, на какие-то доли секунды, здесь же это продолжается две-три минуты.

— Не мажут ли они ступни жароустойчивой мазью, состав которой неизвестен?

— По-моему ничего сверхъестественного, — вмешивается в разговор Рао. — За несколько дней до испытания все участники его подолгу вымачивают стопы ног в морской воде, настоенной на специальных травах, кожа дубеет, становится грубой, морщинистой. Разумеется, большую роль играет и психологический фактор.

— Нет, тут что-то другое, — сомневается Четти. — Я сам видел, как охотники повторить эксперимент выходили прямо из толпы и тоже не получали ожогов. А знаете вы что-нибудь об учении йогов?

— К сожалению, очень мало, — признаюсь я. — Читал, что оно существует с глубокой древности, что среди его приверженцев и проповедников было много философов, просветителей и даже врачей. Однако те йоги, которых мне довелось встретить на улицах Дели да и здесь в Майсуре, не похожи ни на философов, ни на ученых. Они скорее напоминают нищих и бродяг по призванию, зарабатывающих на хлеб насущный либо демонстрацией физи-

Йог — человек «без костей»

ческих уродств, либо откровенным шарлатанством. У нас в свое время было много таких «йогов» на церковных папертях. Наверно, я слишком резок в своих оценках, но они сложились на основании того, что я видел. В Москве в последние годы многие заинтересовались гимнастикой йогов, особенно дыхательной. Впрочем увлечение это постепенно прошло. Видимо, занятие обычным спортом дает результаты не хуже. К упражнениям йогов надо привыкать смолodu. Стояние на голове без привычки и соответствующей тренировки нередко приводит к кровоизлиянию и даже смерти.

Вероятно, я все-таки плохо знаком с вопросом, ведь широко известно, что йоги могут творить чудеса в буквальном смысле слова.

Мои спутники, как выясняется, настроены тоже довольно скептически, хотя о чудесах говорят весьма охотно. Вот, например, что рассказал один из лаборантов.

— В Мадрасе, на берегу Бенгальского залива, уже немолодой йог и его помощник-мальчик вырыли в песке глубокую яму и обложили ее камнями. Старик лег в нее, а мальчик засыпал яму песком. Вокруг собралась большая толпа туристов. Ровно час — все следили по часам — йог оставался в «могиле», потом мальчик разрыл песок и помог встать живому «покойнику». В чашку со всех сторон посыпались монеты. Зрители не скрывали своего изумления. Однако, немного опомнившись, стали восстанавливать подробности: во всем этом было что-то сомнительное. Прежде всего мужчина сам рыл яму (мальчик только относил песок), сам обкладывал ее крупными камнями. В «могилу» он взял бутылку с водой и полотенце, и, когда ложился на дно, рука с зажатой в ней бутылкой находилась около лица. Голову и руку сам накрыл полотенцем. Может быть, он быстрым движением вытаскивал из бутылки пробку, выливал воду, приставлял к заранее сделанному между камнями отверстию горлышко бутылки, а ртом прижимался ко дну ее, в котором была вторая пробка, тоже вытащенная им. Воздух через щели между камнями проникал в бутылку в количестве, достаточном для дыхания. Возможно, фокус заключался в чем-то ином, чего мы не сумели разгадать.

Рассказывали и о другом чуде — человек ложился на доску, утыканную сотней гвоздей острием кверху. Кто знает, может, это простой закон физики — множество точек приложения. Но, конечно, без привычки проспять ночь на такой постели трудно.

— Вот чему я сам был свидетелем и могу поклясться, что так оно и происходило, — слышался голос из глубины машины, где сидел второй лаборант. — Факир саблей отрезал себе голову и, хотя из шеи у него хлестала кровь, сам относил ее на стол. Голова открывала и закрывала глаза, улыбалась, говорила. Затем он приставлял ее к шее, и она мгновенно прирастала.

— Тут, — решил Четти, — массовый гипноз. Ведь проделывает же факир такой фокус: ставит вертикально веревку, поднимается по ней метра на два и спускается вниз. Между прочим, он в этот момент следит за тем, чтобы состав зрителей не менялся, чтобы присутствовали только

те, кому он нарисовал в деталях предстоящее зрелище. Толпа стоит, задрав головы, и ахает от изумления, а факир преспокойно сидит на циновке и рассказывает окружающим, что они должны увидеть.

Разговор неожиданно прерывается; мы въезжаем в рощу манговых деревьев.

— А вот это, бесспорно, чудо — чудо, сотворенное природой, — восклицает Нагарамнана. — Посмотрите, какая прелесть.

Огромные густые шапки ланцетовидных чуть синеватых листьев прячут в своих ветвях желтовато-зеленые, золотистые плоды. Сочетание красок совершенно необычно, и вся картина оставляет впечатление чего-то неповторимо прекрасного.

— Плоды манго по форме напоминают не то грушу, не то маленькую уродливую дыньку, а по вкусу — абрикос с хреном и чуть пахнут скипидаром, — шутит Нагарамнана. — Я читала, что когда-то на островах Индонезии, а может быть, в Бирме, между отдельными племенами велись кровопролитные войны за право обладать урожаем манго. Это не только вкусный плод, но, по-видимому, и великолепный стимулятор бодрости и долголетия, чем схож с женьшенем.

Я собрался было купить у мальчишки несколько плодов, чтобы съесть их вечером, но Нагарамнана предупредила меня, что через час они развалятся.

— Лучше возьмите вот это, — говорит она, передавая мне сорванный тут же коричневый огурец, внутри которого скрыты бобовидные семена какао.

Огромные яркие бабочки дополняют неправдоподобие манговой рощи. К сожалению, они почти недосыгаемы, так как держатся на высоте пяти-восьми метров. Они летят, как птицы, прямо и быстро, иногда опускаются ниже и с силой ударяются о ветровое стекло. Я высовываюсь из машины, всматриваясь, не упала ли покалеченная красавица на асфальт, но Четти ведет машину на огромной скорости.

Мы забираемся в самую гущу джунглей, и в этот момент на дорогу выбегает несколько крестьян в тюрбанах и белых юбочках. Они машут руками, прося остановить машину.

Через шоссе только что прошло стадо диких слонов. Решаем их догнать и бежим вместе с крестьянами по узкой

тропинке. Слонов не видно, но мы натыкаемся на оторопевшего от испуга кролика.

Непонятно, как и для чего в моих руках оказалась палка. Вероятно, вся моя воинственность моментально исчезла бы, будь поблизости хоть один слон.

— Тут полно змей, — предупреждает Четти, едва переводя дух. — Особенно страшна черношеяя кобра, она не только кусается, но еще и плюется. Выдыхаемый ею воздух, насыщенный капельками яда, стекающими из каналов зубов, вырывается из ее пасти с большой силой и настигает жертву на расстоянии полутора — трех метров. При этом кобра с поразительной меткостью направляет смертоносную струю в самое уязвимое место — прямо в глаза. Чтобы попасть в глаза человека, она поднимает переднюю треть тела, откидывает голову назад и выпускает, словно из шприца, две тонкие струйки яда. Попадая на слизистую оболочку, яд быстро всасывается и причиняет страшную боль. Если не принять немедленных мер, может наступить слепота. Укус этой змеи тоже опасен — вызывает тяжелый паралич и смерть.

Четти и не представляет себе, как заинтересовал меня его рассказ, и, когда мы снова едем, я не свожу глаз с обочин шоссе: мне чудится черношеяя кобра, и я в любую минуту готов схватить его за плечо.

Но вот остановка: перегрелся мотор. Мы выходим размяться.

Джунгли похожи на театральные декорации, тут растут пальмы, бамбук, колючий кустарник. С толстых стволов хлебного дерева свисают гигантские гроздья огромных плодов. У его подножия виднеются лиловые колокольчики. Между деревьями мелькают макаки-лапундры. Обезьяны при моем приближении мгновенно исчезают, проворно карабкаются к самым вершинам. Спрятавшись в зелени, они с любопытством наблюдают, как я ворожаю камни, отыскивая под ними змей. Змей не было, но зато во множестве попадались жуки и термиты! Часто из-под камней и пней выскакивали юркие ящерицы. Я забыл о времени, и только нетерпеливый окрик с шоссе заставил меня вернуться.

— Хорошо, что все в порядке, — говорит Четти, помогая мне взобраться на полотно шоссе. — Ведь именно в этих местах водятся проклятые кобры. Дня три назад, когда я проезжал здесь, змея укусила сборщика плодов хлебного дерева. Бедняга скончался по дороге в больницу.

— Все-таки досадно, я так и не поймал ни одной змеи сегодня.

— Да, да, — кивал головой Четти, совершенно не разделявший моего энтузиазма, — действительно хорошо, что мы не повстречали их!

В селе, мимо которого мы проезжаем, нам попадается человек с явными признаками проказы. Лицо его покрыто узлами, мелкими волдырями и язвочками, брови и ресницы выпали, нос сильно утолщен, щеки одутловаты. В медицине такое лицо имеет название *фациес леонина* — «морда льва», или «львиная маска».

Больной работал в огороде, принадлежащем лепрозорию, и теперь возвращался домой. На наш вопрос о здоровье ответил, что чувствует себя неважно: в сезон дождей обычно наступает ухудшение. Он показал нам рецепты*.

Проказа, или лепра, распространена не только в Индии, но и в соседних с ней странах — Бирме, Индонезии, на Филиппинах. Возбудитель *микобактериум лепре* — не образующая спор бацилла. Заражение происходит при контакте с другим лепрозным больным через слизистую оболочку носа, являющуюся главными «входными воротами». Однако вызвать заболевание у лабораторных животных пока не удалось.

Инкубационный период может быть очень длительным и тянется иногда до 30 лет. Чаще всего проказой заболевают дети и юноши от 16 до 20 лет, причем больных мужчин в два раза больше, чем женщин.

Здесь распространена либо узловая форма лепры, либо неврозная, или сыпно-анестетическая. Нередко у одного и того же больного бывают сразу обе формы — так называемая смешанная нодулярно-неврозная лепра. Начинается проказа с потери чувствительности кожи, сыпи и узелков, потом выступают пятна, волдыри-папулы, язвы, отекают руки. При неврозной форме отваливаются пальцы, появляются незаживающие трофические язвы на стопе, по ходу локтевого нерва предплечья. Ушные раковины заметно увеличиваются, становятся вялыми. В Сибири мне показывали больного, у которого из сильно увеличенной

* Сейчас установлено, что проказа поддается лечению сульфоновым препаратом и соединением тиомочевины. В качестве вспомогательных средств применяются производные хаульмигратов и гидрозида изоникотиновой кислоты. Успешнее излечиваются свежие случаи.

мочки можно было, как из пластелина, лепить различные фигурки. У другого были невероятно искривлены, «перевиты» пальцы и кости предплечья.

В Индии я увидел больных с провалившимися носами и ослепших на оба глаза.

Трагичное зрелище! Но трагично и положение врача, беспомощного перед таким издевательством природы над самым совершенным своим творением.

Четти говорит с прокаженным на языке каннада, но по тону и жестам я догадываюсь, что он старается успокоить человека и вселить надежду на успех лечения. На прощание доктор похлопывает лепрозного по плечу.

— А вы не боитесь контактного заражения, — спрашиваю я, когда мы садимся в машину.

— Нет. Лепрой, как и волчанкой, болеет далеко не каждый. Для этого необходимо длительное и тесное общение с больным; нужно, чтобы выделения из язв больного попали на слизистую оболочку носа, рта или в открытую ранку на теле. Помимо этого требуются какие-то дополнительные условия, а главное — отсутствие врожденной невосприимчивости что ли. На протяжении двух десятков лет я перетрогал множество лепрозных с открытыми язвами и узлами и, как видите, ничего — здоров. Я настолько уверен в невосприимчивости к лепре моих близких и своей собственной, что дома держал прислугу из прокаженных. Няньки, растившие моих детей, числились лепрозными больными.

— Вы смелый человек, доктор. Я в первый раз слышу о естественной невосприимчивости к прокаже. Хотя это весьма вероятно. Быть может, у человечества выработалась внутренняя защита от этой древнейшей болезни. Иначе она унесла бы миллионы жизней, подобно оспе, чуме или холере.

— А вот к малярии такой врожденной невосприимчивости нет, пожалуй, ни у одного человека. Даже Александр Великий погиб от тропической лихорадки. Он, перед кем склонилось полмира, пал жертвой крошечного комара.

— Правда, что Александр подхватил малярию где-то здесь, в окрестностях Майсура?

— Вряд ли. Он не был на юге. Да и так ли важно знать, где именно он заболел, гораздо существеннее тот факт, что уже тогда малярия косила людей без разбора и продолжает косить их до сих пор.

Для Четти борьба с малярией — цель жизни.

Только что на моих глазах он хлопал по плечу прокаженного, знает о проказе, быть может, больше, чем кто-либо в Индии, но она не страшит его. Ему известно, что в любой момент, в любом месте страны может вспыхнуть эпидемия чумы, холеры, оспы, но и это его не пугает. Малярия, по его мнению, самый страшный бич. Она изматывает, ослабляет человека и, следовательно, подготавливает почву для других недугов. Главное же — это ее массовость, способность быстро распространяться.

Одержимость, «личная ненависть» врачей к болезни — верный залог того, что она будет уничтожена.

Бесчисленные остановки в пути, которые Четти делал по моей просьбе, задержали нас весьма основательно. И теперь мы мчимся с недозволенной скоростью.

Узкая извилистая дорога ведет на крутую гору. Слева — широкий каменный карниз, справа — пропасть, туда лучше не заглядывать.

Четти уверенно огибает выступы скал, но раздается громкий звук, и машину резко заносит. Крыло ее прижимается к горе, крошит отвесную скалу. Четти резко тормозит. Мы выскакиваем на дорогу.

— Что случилось? — кричу я.

— Лопнула передняя шина. Какая удача, что на левом колесе, — спокойно отвечает Четти.

— А если бы на правом? — спрашиваю я.

— Тогда вряд ли вы были бы в состоянии задавать мне вопросы! — отвечает он, роясь в багажнике.

* * *

Селение Махрдезваран Хилл лежит на высоте 1500 метров над океаном и лепится к стенам древнего индуистского монастыря. Вокруг, куда ни глянь, синюют острые вершины гор. Глубокий овраг разделяет улицы Махрдезварана; часть домов сбегает к оврагу по склонам холма, другая — стоит прямо на краю его.

Приезд врачей — большое событие в жизни глухой горной деревушки, и нас мгновенно окружает толпа. Каждый приглашает к себе, но мы приступаем к осмотру прямо на площади. Лаборанты разложили ящики со всем необходимым. Отовсюду несут и ведут больных детей. С них и начинаем.

В походной лаборатории

Ребятишки доверчиво задирают рубашонки. Вздутые животы, увеличенная селезенка (у некоторых она занимает почти всю левую часть живота) — верный признак малярии. Микроскопическое исследование крови подтверждает это: обнаружены малярийные плазмодии.

Пятьдесят четыре случая заболевания только у детей! Четти в отчаянии.

— Я говорил, — жидается он к Рао, — что мы слишком долго здесь не были, вот результат.

— Одним своим присутствием мы малярии не уничтожаем, — отвечает Рао. — Видно, в последний раз плохо провели дезинсекцию, мало оставили ДДТ, медикаментов, а главное — недостаточно работали с людьми. Они, вероятно, сразу же забросили и опрыскивание и профилактику.

Рао говорит спокойно, но он явно огорчен и подавлен. Вслед за детьми осматриваем взрослых. Многие мужчи-

ны почти голы: нельзя же считать одеждой узкую набедренную повязку. Они очень истощены, подкожная клетчатка выражена слабо, ребра можно сосчитать, лопатки торчат, как крылья. Особенно тонки ноги, они кажутся совершенно лишенными мышц. Кожа темно-коричневая, даже белки глаз чуть коричневатые.

Женщины также худощавы, на них надеты сари, верхняя часть которого слегка прикрывает грудь, спина и руки обнажены. Обувь тут не носят, только у нескольких человек я видел на ногах сандалии с петлей для большого пальца.

Возле жилищ, в тени крыш, прячется от солнца домашний скот. Рога животных выкрашены в ярко-красный, голубой или зеленый цвета. На них наконечники. Молочность коров невелика — три-четыре стакана в день, поэтому и вымя у них едва заметно. Наши козы куда производительнее.

По дороге мы встречали женщин, собиравших на шоссе листья, унесенные ветром. Это «ничейная» зелень. Трава на лугах и полянах принадлежит помещику, и кошение ее строго преследуется. Своих покосов у крестьян нет, они пасут скот на улице села.

К вечеру осмотр закончен. Мы зверски устали от напряжения и огорчения: такая вспышка малярии — для всех неожиданность.

Пока готовится ужин, я иду побродить по селению и теперь внимательно рассматриваю его дома. Они сложены из стволов нетесаных деревьев, обернутых тростниковыми матами, и крыты сухой соломой. Внутри темно, свет и воздух проникают сквозь щели под самой крышей. Двери всегда открыты. Глиняный пол подметен, на нем разостланы коврики, циновки. Посуда аккуратно расставлена по полкам. На шесте висит зыбка.

Питьевую воду жители деревни достают из глубокого колодца медным кувшином. Но есть и водоемы со стоячей водой, поросшие ряской, — благодатные места для малярийных комаров.

С утра следующего дня лаборанты начнут обрабатывать водоемы ДДТ. Не оставят они без внимания дома и дворы, все зальют спасительной струей раствора, уничтожающего не только насекомых, но и их личинки.

После ужина отправляемся осматривать индуистский храм возле Махрдезварана. Он очень старый — ему более 600 лет, но здание и толстые стены, окружающие его, сохранились полностью. Правда, в стенах зияют глубокие щели и выбоины, резные каменные ворота выщерблены, а колонны у главного входа потрескались. Кое-где вдоль карнизов торчит трава. Так выглядят наши старинные церквушки где-нибудь возле Пскова или Новгорода.

Храм — «дхармашала», он является пристанищем паломников. Здесь для них всегда имеются кельи, как номера в гостинице.

В храме шла служба. У входа старик монах продавал кокосовые орехи. Мои спутники купили по ореху, а Четти взял два и один передал мне. Оказывается, по обычаю, каждый входящий сюда должен принести его в дар богу.

С орехами в руках, словно со свечками, направляемся в большой, уходящий в глубину зал. Множество превосходно сохранившихся колонн образуют длинный, узкий коридор. Здесь темно, душно, пахнет ладаном, ромашками и еще чем-то, от чего сильно першит в горле и кружится голова.

Идем гуськом друг за другом, держась за стену. Впереди виден светлый квадрат — вход в святилище храма. Я первым переступаю его порог. Горит несколько свечек. Сквозь сизую пелену дыма, струящегося из мраморных каминов, различаю монаха, стоящего у огромной трехметровой статуи божества.

Поворачиваю голову, вздрагиваю и пячусь назад. Прямо на высоте моих глаз стоит «столбом» крупная кобра с широко раздутым капюшоном. Голова ее наклонена вперед, черные зрачки окружены светло-оранжевыми радужками, изо рта свисает тонкий, раздвоенный желтый язык. Злобное чудовище как бы пристально наблюдает за каждым моим движением. Я бросаюсь в сторону, но тут меня караулит такой же полный ненависти взгляд второй кобры. Эта страшная, омерзительная пара, конечно, олицетворяла самые тяжкие грехи человека. Даже убедившись в том, что змеи бронзовые и, следовательно, не могут причинить зла, я не мог отделаться от чувства тревоги и душевного смущения.

Ко мне медленно приближается обнаженный по пояс

монах с бритой головой и темно-шоколадной блестящей, как шелк, кожей. Он вперил в меня неподвижные, как у кобры, зрачки, и я застываю, словно кролик под взглядом удава. Монах берет мой орех, взмахом ножа раскалывает его пополам и кладет половинки к стопам статуи. Он переступает с ноги на ногу, что-то протяжно поет дребезжащим голосом и кланяется божеству. Затем крошит куски камфоры и кидает их на раскаленные угли чугунного противня. Воздух, и до того насыщенный запахами, становится удушливым. А монах рассыпает горстями лепестки жасмина и, к моему изумлению, начинает танцевать. Он воздевает руки, медленно кружится и нараспев читает молитву. Длинные тени прыгают по стенам, потолку.

Оглаживаюсь и никого не вижу рядом. Мне кажется, что я уже не выйду отсюда никогда, что эти прыгающие тени вот-вот подхватят меня и куда-то умчат. От духоты, нервного напряжения, страха почти теряю сознание, но беру себя в руки, отхожу в сторону и тут замечаю Четти.

Однако монах уже между нами, он наклоняется к лицу Четти и мажет его ярко-фиолетовой краской. Я откидываюсь назад, натыкаюсь на одну из змей и чуть не падаю. Судорожно хватаю Четти за руку и тяну его к выходу.

Во дворе полной грудью вдыхаю свежий воздух, постепенно прихожу в себя. Вытираю платком пот и с удивлением замечаю, что платок и ладони рук запачканы ярко-лиловой краской. Когда монах ухитрился покрасить меня, я так и не вспомнил.

— Вот уж никак не ожидал от вас такой впечатлительности, — говорит Четти, обнимая меня.

— Я и сам поражен не меньше вас, но, признаюсь, плохо понимал, что со мной происходит. Такого тонко задуманного спектакля мне не приходилось видеть ни у нас в церквях, ни в католических соборах.

Что это — гипноз, отравление одуряющими запахами? Я, не страшась живых кобр, вдруг отчаянно испугался бронзовых подобиЙ!

Что же должны испытывать, попадая в такой храм, люди более доверчивые, чем я, мистически настроенные?

— В Индии к подобным зрелищам привыкают с детства. Может быть, поэтому на нас они действуют не так, как на неискушенных европейцев.

Пока мы разговариваем, из храма выходит совершенно спокойная госпожа Нагарамнана. К счастью, она не была

свидетелем моего смятения. С умилением разглядывает она барельефы, статуи, молитвенно складывает ладони и кланяется каменным богам.

К нам подходит местный житель. Тронув Четти за рукав, он показывает на вершины гор. Там, словно при извержении вулкана, клубятся темно-синие облака.

— Скорее в машину! — кричит Четти. — Иначе отсюда не выбраться.

Бегом спускаемся в селение, прощаемся с жителями и остающимися здесь лаборантами.

Невероятно парит! В горах бушует гроза, слышны раскаты грома, сверкают молнии. Дождь, настигший нас, яростно стучит по стеклу машины.

Постепенно нас окутывает сплошной туман. Молнии сверкают совсем близко, и грохот грома заглушает шум мотора. Осторожно двигаясь, преодолеваем опасные повороты и спускаемся на равнину. Страх перед молниями выгоняет обитателей джунглей на дорогу. Свет фар время от времени выхватывает из темноты чьи-то глаза. Мы гадаем — чьи. Высоко на ветвях блестят глаза обезьян, а вот через шоссе пробежал шакал. Огромные, как фонари, глаза, висящие над дорогой, принадлежат, вероятно, буйволам или слонам. При нашем приближении они исчезают. Их владельцы свернули в мрачные джунгли.

Внизу дышится легче, уже видны звезды и дальние зарницы.

Май — праздник весны в Южной Индии называется «васантпанчами» (царь времен года). К нему обычно приурочивают свадьбы.

В небольшом селе, лежащем на нашем пути, мы случайно попадаем на свадьбу. Все жители, торжественные, нарядные, вышли на улицу. На полянке под звуки флейт и бубнов танцует молодежь. У юных танцоров в руках палки; движения сложны, но изящны и выразительны. Танец сопровождается песней, очень мажорной и необыкновенно ритмичной. Зрители дружно хлопают и иногда подхватывают мотив. Настроение у всех приподнятое. Нас окружают и не хотят отпускать. Только мрачное, в свинцовых тучах, небо заставляет этих гостеприимных людей согласиться, что нам пора ехать. Сني-то знают, как опасен ливень для тех, кто в пути.

Поздравляем молодоженов и желаем им счастья. Я дарю невесте матрешку, внутри которой спрятаны еще восемь

таких же раскрашенных матрешек, и выражаю надежду, что детей у них будет не меньше. Под крики одобрения троекратно, по-русски, целую жениха и невесту, и мы отправляемся дальше.

От ливня в горах высохшая речушка превратилась в бурную реку. Вода проносит мимо нас кусты, вырванные с корнем деревья, смытые с берегов бревна. Приходится ждать, когда она спадет.

Четти тихо напевает гимн демократической молодежи, «Катюшу», индийские песни. Я подтягиваю. Но вот, заглушая наше мурлыканье, зазвучало красивое контральто. Это госпожа Нагарамнана поет протяжную грустную песню с многократно повторяющимся припевом. Ночью, у бурного потока она кажется особенно печальной.

Вскоре уровень воды начинает спадать. На помощь нам приходят местные крестьяне. Они отыскивают брод, измеряя глубину палками, и указывают, где безопаснее всего проехать. Вода бурлит, захлестывает машину. Кажется, что мы здесь застрянем. Но вокруг столько болельщиков, они так дружно подталкивают кузов с красным крестом, что мы в конце концов выбираемся на противоположный берег.

Вдали видны огни Майсура, и, когда мы въезжаем в город, жизнь на его улицах кипит. Из ночных баров несутся музыка, на тротуарах возле них прогуливается молодежь.

В МАЙСУРСКОМ ЗООПАРКЕ

Одна из достопримечательностей Майсура — зоопарк. В нем представлены и местные и привозные животные: слоны, буйволы, белые медведи, обезьяны, антилопы, газели, жирафы, змеи, крокодилы, жабы и ящерицы. Особенно много хищников: тигров, львов, леопардов, волков. Уроженцы тропиков чувствуют себя здесь превосходно: для них это почти естественная среда обитания.

Как правило, животные находятся в открытых вольерах. Свободы лишены только хищники и змеи. Да еще слоны почему-то прикованы цепями. Не для того ли, чтобы у них не появлялось желание смести все преграды и присоединиться к своим диким собратьям или одомашненным работягам?

Птицы порхают по деревьям, не зная никаких стеснений. Огромные африканские страусы гордо несут на 1,5-метро-

вой шее свои маленькие плоские головы. Тело их достигает 2 метров, вес — 75 килограммов. Черные перья на груди взъерошены и открывают голую роговую мозоль, тонкая шея тоже без перьев. Оттого страус напоминает чабана, накинувшего бараний тулуп на голое тело. Крыловые и хвостовые перья ослепительно белы и достойны того, чтобы украсить шляпу самой взыскательной модницы. Ноги птицы с тремя когтями — длинные и сильные, недаром быстротой бега она превосходит скаковую лошадь. В Африке на страусах возят почту, впрягая их в двухколесную тележку. Зрение у них чрезвычайно острое, обоняние и слух отличные, но они считаются глупыми и пугливыми.

Огромный жираф пытается дотянуться ртом с шестиметровой высоты до небольшой лужицы. Он расставил циркулем передние ноги и опустил длинную шею.

Безработные верблюды вопросительно смотрят на публику, как бы спрашивая, долго ли им еще томиться на такой жаре и без дела. Уроженец Мексики, южноамериканская лама, напротив, чувствует себя неплохо. Оттопыренная нижняя губа придает морде животного такое презрительное выражение, что фамильярничать с ним не хочется. Я даю ему жареные орехи.

Огненно-рыжие шерстяные мешки оказались орангутангами. Они сидят, сложив на животе руки и втянув голову в плечи, на лицах блестят умные, любопытные глаза. Их сосед шимпанзе закинул ногу на ногу и курит сигару, полученную от кого-то из публики. Под всеобщий хохот зрителей он манерно выпускает дым через нос и ногтем мизинца сбрасывает пепел.

Самое большое впечатление производят на меня летающие лисицы, близкие родичи летучих мышей. Их я увидел впервые, хотя читал о них много. Эти удивительные создания часами висят вниз головой на сучьях деревьев, поджидая наступления сумерек, чтобы начать охоту за насекомыми. В таком положении они плотно прижимают к груди длинные кости передних конечностей, соединенные между собой широкими перепонками, и иногда делают ими легкие движения, словно обмахивают себя веером. В полете лисицы зонтом расправляют конечности и вытягивают на тонкой шее уродливую голову, напоминающую голову сильно отощавшей кошки. Глядя на них, я понял, откуда в народной фантазии зародилось представление о кикиморах и вурдалаках.

Летучие лисицы предпочитают висеть вниз головой

На юге Индии летучие лисицы водятся не только в зоопарке. Здесь никого не удивляет дерево, сплошь увешанное этими животными, похожими на ведьм. Невидимые во тьме, днем они собираются вместе, как после ночного шабаша.

Вооружившись биноклем, я несколько часов подряд наблюдал за ними. На груди одной из самок я заметил детеныша, плотно прижавшегося к красновато-коричневой груди матери. Чтобы малыш не свалился, она нежно прижимала его к себе крылом. Инстинкт материнства в равной степени присущ и красивым и уродливым существам.

Странный внешний вид и ночной образ жизни летучих лисиц вызывают у людей совершенно неверные ассоциации. Очень немногие знают, что эти животные чисто-

плотны, сообразительны, быстро приручаются. Они легко приспособляются к условиям жизни в неволе и уже через несколько дней берут пищу из рук, позволяют себя гладить, не делая никаких попыток кусаться, летают по комнате.

Лисицы никогда не натыкаются на оконные стекла, как это случается с находящимися в помещении птицами и насекомыми, и великолепно ориентируются в темноте. Ультразвуковые сигналы, посылаемые животным, предупреждают его об опасности. Тон этих коротких звуковых импульсов на несколько октав выше самой высокой ноты, которую способно воспринять человеческое ухо. Природные

локаторы — тончайшие нервные волокна, пронизывающие ушные раковины и перепончатые крылья, — по точности во много раз превосходят приборы, изготовленные человеком.

Летучие лисицы уничтожают несметное число насекомых — вредителей лесов и полей, т. е. приносят пользу. Но они могут болеть бешенством, а следовательно, передавать это опасное заболевание домашним животным и человеку. В статистическом бюллетене, изданном в Мадрасе, сообщалось, что среди лиц, прививавшихся от бешенства в течение последних 50 лет, 777 было укушено лисицами.

Помимо них бешенство, как рассказал мне знакомый врач-индиец, передают кровососущие летучие мыши-вампиры. Они питаются кровью главным образом из-за железа и белков, содержащихся в ней. Действуют вампиры быстро и неслышно — зубами, похожими на острые стамески, молниеносно выдалбливают на коже продолговатую лунку и жадно лакают выступившую кровь. Количество выпитой крови нередко составляет четвертую часть веса самого животного. Потому-то сытая мышь летит низко, словно стелясь над землей, и забивается где-нибудь неподалеку в укромное место. Опасность для человека заключается не столько в потере крови, сколько в возможности заразиться бешенством, которое больная мышь передает обязательно.

В Южной Америке и на острове Тринидад отмечены эпидемии тяжелого паралича у рогатого скота и лошадей. Были и случаи заболевания людей, причем довольно часто со смертельным исходом. Виновниками оказались летучие мыши *демодемс ротундус муринус*, в мозге и слюнных железах которых был обнаружен вирус.

Если летучие мыши скапливаются в большом числе в пещерах, облюбованных ими для гнездования, они заражают бешенством друг друга. Входить в такую пещеру опасно: вирус с пылью через слизистую оболочку проникает в легкие.

ПО ГОРОДАМ И СЕЛЕНИЯМ ШТАТА

В шесть часов утра мы с Четти уже снова в дороге. Первый большой город на нашем пути — Бандипур (148 километров от Майсура). Его проезжаем без остановки. Во

втором, Наньянгуре, задерживаемся, чтобы осмотреть всемирно-известный храм Срисрикантесварасвами.

Плоская, постепенно суживающаяся кверху башня отчетливо вырисовывается на фоне голубого неба. В фас она напоминает высокую трапецию, состоящую из семи рядов каменных и алебастровых фигур (боги, животные, цветы). Одну группу от другой отделяют маленькие, легкие, ажурные балкончики, тоже высеченные из камня.

Посередине храма громоздятся поставленные один на другой каменные выступы. В каждом — массивная дверь, сделанная из ценных пород дерева и густо украшенная резьбой.

Основание храма составляют три створа, каждый из которых поддерживается четырьмя мощными колоннами. Верх его похож на гребень, усыпанный драгоценными камнями.

В индийских храмах всегда поражает обилие орнаментальной скульптуры, покрывающей, как правило, сплошь все наружные стены.

Здесь обычно воспроизводятся сцены и образы индийской мифологии и религии, а также эпизоды подлинной истории. Эти стилизованные и в то же время реалистичные изображения выполнены удивительно тонко, со вкусом и с большим чувством меры. Меня очень огорчало, что я не могу прочесть эту каменную летопись, понятную до конца любому индийцу.

Осмотр храма занял гораздо больше времени, чем мы предполагали. Дальше нельзя было терять ни минуты, и мы отправляемся на окраину города, где недавно были отмечены новые случаи малярии.

Четти — желанный гость во всех домах. В одном из них мы находим туберкулезную больную. Она лежит в темной комнате на полу, подложив под голову подушку. Во мраке различаю несколько бронзовых статуэток божеств. Советую родителям открыть окна и почаще выносить больную на веранду.

— Бесплезные советы, Талызин, — шепчет мне Четти. — Они считают, что туберкулез — дурная болезнь, которой боги карают провинившихся. Ее скрывают от окружающих, а богов задабривают молитвами.

Небольшой городок Белур поражает убожеством хижин, крайней антисанитарией в кварталах бедноты. Но тут же расположен роскошный храм, славящийся своей архи-

тектурой. Высокая башня входных ворот сплошь покрыта тонкой резьбой. Она же обрамляет часто повторяющееся здесь изображение богини любви, красоты и благосостояния Лакшми. Подставки под различными фигурами — тоже густая вязь кружев из белого мраморовидного известняка.

Между рядами скульптур деловито снуют живые обезьяны. Они бесцеремонно прыгают по статуям, взбираются на самый верх, оставляя на лицах богов зловонные следы своего пребывания.

Свежих случаев малярии мы не обнаруживаем. В одном из домов прихрамывающий мужчина жалуется на боли в костях и показывает язвы на голени. Перед нами очень запущенный случай фрамбезии, или явса (*полипапиллома тропикум*), — тяжелой и заразной болезни, встречающейся исключительно в тропиках. Хотя по природе своей это не венерическое заболевание, оно носит неприятное название «тропический сифилис». Возбудитель — *спирохета пертенис* близок к бледной спирохете. Обычно фрамбезия поражает людей, живущих в плохих бытовых и санитарных условиях, чаще всего страдающих экземой детей до десяти лет. Спирохеты проникают в организм через трещины и ссадины на коже. Источник заразы — гной на отпавших корках язв больного. Инфекция передается и мухой *гиппелатес*. На ее хоботке и лапках спирохеты могут жить около семи часов, и если она сядет на кровоточащую трещину на коже ребенка или взрослого, заражение неминуемо. В этом месте или рядом появляются высыпи и папулы, похожие на спелые ягоды малины (отсюда и название болезни: французское *фрамбуаз* — «малина»), а после отеков, утолщения кожи — язвы с кровянистым отделяемым. Прогрессируя, фрамбезия вызывает страшные разрушения в организме — тело покрывается выпуклыми шелушащимися язвами, обнажаются кости голени; иногда проваливается нос и вытекает глаз.

На ранних стадиях, особенно в детском возрасте, заболевание может быть излечено одним-двумя вливаниями неосальварсана. В некоторых странах применение этого препарата позволило ликвидировать фрамбезию в короткий срок.

Да простит меня добрая богиня Лакшми, изображением которой только что любовался, если я сделаю чисто земной расчет, — курс вливаний неосальварсана стоит, вероятно, не более 25 рупий.

Крестьянские дети

Денег, затраченных на изготовление скульптур белурского храма, хватило бы на лечебные препараты для больных фрамбезией, оспой и проказой, вместе взятых, по всей Индии. Но храм — дело прошлого. Однако и теперь содержимое его кассы за год с лихвой покрывает стоимость необходимых лекарств.

На нашей карте обозначено, что жителей селения Типпур необходимо проверить на малярию. Здесь, как и всюду, за нами ходит толпа ребятишек. Ощупываем их селезенки и убеждаемся, что они в пределах нормы.

У одного старика сильно увеличены лимфатические железы возле уха.

— Похоже на туляремию, — говорю я.

— В Индии ее нет, — улыбается Четти. — Тут что-то другое. Нужен лабораторный анализ крови. Возможно, это липома.

Он объясняет старику, что следует поехать в ближайший город к врачу. Больной пожимает плечами и смущенно улыбается. Четти сует ему деньги и долго внушает, что их надо потратить именно на лечение.

Мне показывают заболоченное место в низине, где раньше стояло много крестьянских домов и где свирепствовала малярия. Сейчас дома эти брошены, болота залиты нефтью, а село перенесено на более высокое место. Бригады маляриологов проводят лечение больных, систематически опрыскивают дома ДДТ. Малярия отступила, но другие болезни еще остались.

Мы обходим село, задерживаемся в домах, где есть больные. Четти, бывавший здесь не раз, знает их всех в лицо. Из походного чемоданчика он достает пакеты с лекарствами (таблетки, порошки и мази, полученные от ВОЗ) и раздает нуждающимся. Бесплатная помощь радует пациентов, и они сердечно благодарят своего доктора.

Среди жителей Типпура отыскиваем старых маляриков. Они очень довольны вниманием и еще более тем, что доктор привез гостя. Узнав, что я из Москвы, они почему-то отдают мне честь.

Прошу Четти перевести индийцам, что я приехал к ним от Министерства здравоохранения своей страны и Всемирной организации здравоохранения, призванной заботиться об их здоровье. Выслушав доктора, они жестами показывают на сердце и, сложив вместе ладони рук, прикладывают их к голове... Один из крестьян ведет меня к себе в дом и показывает самое ценное, что у него есть, — красивых, хотя и чересчур худых ребятишек. Глаза его горят счастьем и гордостью. К сожалению, больше ему нечем похвастаться, имущество его скудно, а жилище убого, хотя и опрятно.

Недалеко от села живут «неприкасаемые». Возле амбаров стоит тощий скот. Хозяин крытой соломой хижины встречает гостей на пороге, вопросительно смотрит на нас и довольно неохотно отвечает на приветствие. Заходим в

дом и просим показать больных. Дети пугливо таращат глаза и жмутся к взрослым. Беру на руки карапуза и даю ему московский леденец. Мальчик показывает его родителям, те с интересом рассматривают и леденец и меня.

— Кто это? — спрашивает старик у Четти.

— Руси.

На суровых лицах появляются улыбки. Они жестами приглашают сесть.

Мне приходят на память поселки арабов в районе Амара, у реки Тигр. В 1944 г. там был установлен карантин из-за бубонной чумы. Иракские полицейские и английские солдаты неусыпно следили за тем, чтобы жители находились в строжайшей изоляции. Но тогда это длилось всего лишь месяц. Здесь же люди на протяжении веков жили в состоянии узаконенного карантина.

— Современная Индия, к счастью, борется с этим позорным явлением, — говорит Четти.

Мы прощаемся, пожимая тянущиеся к нам со всех сторон руки.

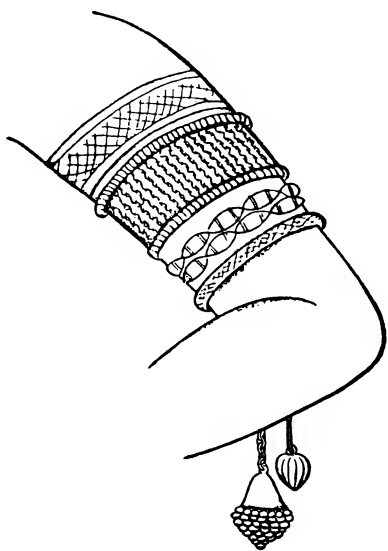
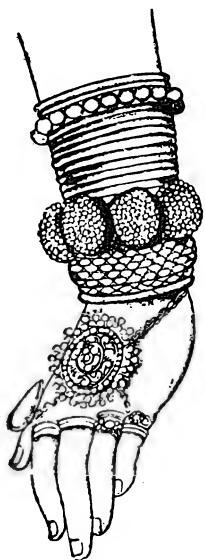
* * *

Следующий день начался неудачно. Возле небольшого городка непредвиденная остановка: лопнула шина, и мы вынуждены вернуться.

Вдоль улиц расположены бесчисленные лавочки, в которых торгуют овощами, фруктами, мануфактурой, кустарными изделиями из шелка, кожи и слоновой кости. В дешевых чайных, сидя на деревянных топчанах, посетители пьют чай, кофе, лимонад с кусочками льда.

Находим самый респектабельный в городе ресторан и заказываем обед. Мясо тут не подают из религиозных соображений, и все блюда вегетарианские. Мы едим рис с томатным соусом, лук, чили, овощи («джинджер»), сильно сдобренные красным перцем. Затем нам приносят ароматный, слегка кисловатый фрукт гуайява, по виду напоминающий грушу. Он растет на вечнозеленом кустарнике из семейства миртовых. Заметив, с каким интересом я изучаю индийские блюда, Четти просит принести папайя — плод дынного дерева *папайя вульгарис*, похожий на наши чарджоуские дыни, но тяжелее их (вес достигает 7—8 килограммов).

Они сладки и приятны на вкус.

Украшения танцовщицы

На десерт нам приносят круглое пирожное — «ладду».

— Взгляните, — обращаю я внимание Четти, — на всех столах в вазах искусственные цветы, а кругом в городе столько живых.

— Но ведь это ресторан для вегетарианцев, — отшучивается доктор, — чего доброго, могут съесть и цветы.

На маленькой сцене ресторана девушка исполняет старинный народный танец. Она гладко причесана, на затылке волосы собраны в пучок и схвачены зажимом в виде широкого полумесяца с радиально расходящимися лучами. В крыле носа — крупная жемчужина, в ушах — серьги, на шее множество бус, на запястьях браслеты. Красный камзол расшит золотыми и серебряными нитями.

Но самое примечательное — ее головной убор, конусообразное строение, высота которого достигает метра. Чего только на нем нет! Здесь чучела попугаев и каких-то других птиц, цветы, перья, гарус, бубенцы, бляхи.

Танцовщица двигается, наклоняется, поворачивается. Но башня на голове остается неизменно в вертикальном положении. Музыка и танец очень ритмичны. Публика восторженно аплодирует.

СНОЗА В МАЙСУРЕ

По возвращении в столицу штата мы отправляемся посмотреть выставку гравированного хрусталя. На толстостенных сосудах и пластинах вытравлены глубокие рисунки.

На широкой, но невысокой вазе изображены две девушки, протянувшие руки к луне, рядом коровы. Это иллюстрация к известной сказке Жамини Роя о веселом индийском боге Кришне. Он обещал пастушкам из Бриндавана прийти на праздник потачдывать. Но людей, устремившихся в лунную ночь к древним гробницам и храмам, так много, что бедные девушки не находят Кришну.

Интересна и пасторальная группа известного художника Фани Бусан. В тени манго индеец с бичом пасет коров. Бусан — уроженец Калькутты и образование получил в Шантиникетоне, основанной Тагором школе, а позже в университете. Темы его произведений обычно связаны с индийским фольклором. Он занимается также изготовлением кукол для детского театра. Последнее его увлечение — гравировка по хрусталию.

Художник Гопал Гхозе на поверхности цилиндрической вазы разместил группу обезьян.

Рама Махарана родом из Ориссы. Он изобразил на плоской хрустальной пластине весенний праздник Радхи и Кришны. Одаренный мастер кончил только сельскую школу, а затем работал в Пури по разрисовке шелковых тканей.

Мы переходим от одного произведения к другому и не перестаем восхищаться. Индия всегда славилась своим искусством, архитектурными памятниками, изделиями из кости, дерева, серебра, великолепными тканями, но в независимой стране таланты расцвели с новой силой. Ее резчики, художники и скульпторы, поэты и писатели, мастера росписи тканей, вышивальщики по парче и гравировщики по хрусталу завоевали известность во всем мире.

Четти не упускает случая показать мне парки, старинные памятники, заброшенные храмы.

Вот и теперь мы делаем большой крюк, чтобы осмотреть городок Серингапатам, расположенный на острове посреди реки Кавери. На придорожном указателе надпись: «Дорога к мечети Типпу Султана». Огромное здание с высоким круглым куполом и двумя минаретами видно издалека. Оставив машину на берегу, проходим мост и попадаем во двор. Здесь много богомольцев — молодых женщин в ярких одеждах, мужчин в белых костюмах, старух в черном. Я в своем европейском костюме выгляжу, вероятно, «белой вороной». Мне кажется, что встречные пугаются моего необычного вида и поспешно расступаются, чтобы не осквернить себя прикосновением к чужестранцу.

Людской поток вынес нас к самому входу в мечеть. Снимаем обувь и пробираемся в глубь полутемного зала. По стенам в два яруса размещены лоджии и балконы, опирающиеся на парные колонны. Колонны же различной величины поддерживают фигурные арки. Они инкрустированы, покрыты цветной глазурью или выложены кафельными плитками. Во дворе заросший тиной танк (пруд). Вода в нем считается священной, хотя содержит, наверно, немало возбудителей бациллярной и амебной дизентерии, циклопов, зараженных филяриями ришты.

На берегу Кавери в топкой грязи нежатся, отыскав прохладную тень, домашние буйволы с отведенными назад тол-

стыми рогами. На широких черных полуоблысевших спинах животных примостились белоснежные цапли, добросовестно выклевающие из их шерсти паразитов.

Птицы тут повсюду; в кустах, ветвях тика, в кронах пальм слышится их неумолчный гомон. Пройдя полсотни шагов, вспугиваем стайку куликов. Оперение их отличается от оперения птиц Подмосковья. Тем более не подходящими для этих мест кажутся задорно чирикающие воробьи.

Группа прачек-мужчин (дхоби) бьет перекрученное жгутом белье о камни, полощет его, выжимает и растягивает сушить под лучами жгучего солнца.

Немолодой уже разносчик воды истошным голосом кричит, предлагая свой товар. Мы отказываемся. Тогда так же громко он призывает купить у него бетель и сплевывает кроваво-красную слюну.

Четти просит его замолчать, объясняя, что иностранцу не нужны ни вода, ни бетель.

Водонос все же упорно идет за мной. Он делает страдальческое лицо и гладит рукой сильно запавший живот. Жест понятен, и я кладу в его ладонь монетку.

Километрах в двадцати от Ма́йсура находится излюбленное место отдыха жителей города — Кришнараджасагар. С высокой каменной дамбы открывается вид на роскошный парк. Вдоль расположенных ступенями прудов тянутся ряды пирамидальных подстриженных деревьев. Здесь много тенистых аллей, фонтанов. По вечерам они подсвечиваются разноцветными неоновыми трубками, а в аллеях зажигаются гирлянды огней. Удивительно красивое зрелище. Мы бродим с Четти среди фонтанов, и я рассказываю ему о московском Парке культуры и отдыха.

* * *

Как-то знакомый индеец пригласил меня в свое бунгало в окрестностях Майсура. Строение без окон, но с широкими дверями и террасой окружают кусты жасмина, распространяющие одуряющий запах. Сразу же за домом виднеется изгородь из ребристых толстых кактусов с острыми иглами. Черные, будто вымазанные дегтем свиньи жалобно хрюкают за изгородью, не решаясь пройти сквозь широкие просветы между кактусами.

Мы сидим на небольшой тахте, застланной ковром. С дерева прямо на тахту сваливается богомол — насекомое величиной с палец взрослого человека. Словно недоумевая, он вращает головой с огромными фасетчатыми глазами. Я хотел было взять его, но меня остановил хозяин. Передние конечности богомола, поднятые, как руки молящегося мусульманина, вооружены острыми шипами, и внезапным стригущим движением он наносит глубокую ранку.

Крупный жук ударяется о стену и с силой шлепается на земляной пол. Минуту он лежит без движения, а потом быстро бежит и скрывается за кованным жестью сундуком.

Я осведомился, не докучают ли насекомые хозяину.

— Мы их просто не замечаем, ведь они безобидны. Зато остерегаемся сороконожек, укус которых болезнен и опасен. Еще более тяжелы последствия укула скорпиона. Иногда в месте укула появляются большие водянистые пузыри. Когда они лопаются, ранка заполняется гноем. Может быть даже паралич конечностей. Опасность представляют и термиты: они кусают детей, грызут кожаные вещи, мебель, веревки, одежду.

В штате Майсур расположено несколько парков-заповедников, общая площадь их составляет более 15 тысяч квадратных километров. В них обитают дикie животные — слоны, тигры, пантеры, олени, антилопы — и растут ценные породы деревьев.

Нередко, возвращаясь из поездок затемно, мы останавливаем машину и прислушиваемся к звукам ночи. Можно различить тихий вой, рыдание шакалов, трескотню цикад, заунывное кваканье древесных лягушек, стрекотанье кузнечиков, уханье филина. Вдруг, как по команде, все замолкают; наступает тишина. Но ненадолго: каждый снова затягивает свою песню. В кустах громко ворошится птица, она хлопает крыльями и лает, словно собака. А вот звуки посolidнее — рык пантеры. Где-то мяукает кошка. Как она шопала в джунгли? Может быть, дикая? Внезапно кто-то громко свистит, как Соловей-разбойник, ему отвечает сразу несколько свистунов.

Мы садимся в машину и, освещая фарами дорогу, мчимся дальше. В возбужденном мозгу все еще звучит ночная симфония. Становится грустно при мысли, что, вероятно, больше никогда не услышу ее.

Вместе с Четти мы посетили медицинский колледж. Заведующий кафедрой профилактической и социальной гигиены профессор Б. Н. Лингарапо любезно принял нас и охотно рассказал о своей работе по предупреждению инфекционных болезней и борьбе с эпидемиями. Он дал высокую оценку трудам советского академика Е. Н. Павловского — автора теории природной очаговости трансмиссивных, т. е. передаваемых членистоногими, болезней.

Сущность этой теории заключается в том, что в природе всегда существовали и имеются сейчас (независимо от человека) болезни, поражающие диких животных. Передаются эти болезни от одного животного другому, как и их возбудители (ультравirusы, бактерии, спирохеты, грибки и различные простейшие организмы), кровососущими насекомыми и клещами. Если в необжитые места, где имеется природный очаг, попадает человек или домашнее животное, они становятся соучастниками очага и тоже заболевают. В Советском Союзе природная очаговость свойственна клещевому японскому и таежному энцефалитам, различным клещевым сыпнотифозным лихорадкам, среднеазиатскому клещевому возвратному тифу, пендинской язве, туляремии, бруцеллезу и др.

С академиком Е. Н. Павловским профессор Лингарапо познакомился во время торжественного вручения русскому ученому диплома об избрании его почетным членом Делийского университета. Профессор считает его одним из крупнейших современных паразитологов и был бы рад получить его новые труды.

— Теория природной очаговости, — говорит он, — вполне применима к некоторым болезням Индии. Так, она дает нам ключ к борьбе с гвинейским червем, вызывающим дракункулез, или ришту. В штате Мадрас, например, ежегодно регистрируют до 800 случаев ришты. Это заболевание, насколько мне известно, встречается и в восточных районах русского Туркестана?

— Это крайне устаревшие сведения. Дракункулез, гнездившийся веками в Старой Бухаре, Самарканде, Ташкенте и других районах Средней Азии, ликвидирован еще в тридцатые годы.

Кое-где в Индии еще применяется очень древний способ извлечения червя из подкожной клетчатки ноги. Обнаружив в лопнувших покровах язвы головной конец ришты, его с большой осторожностью наматывают на чистую палочку и

Ришта

прибинтовывают к ноге. Через два-три дня делают еще оборот и снова бинтуют. Проходит много времени, прежде чем весь червь окажется извлеченным.

Но так лечат только в глухой провинции. Современный хирург извлекает ришту под местной анестезией, глубоко вскрывая язву.

Я покидаю гостеприимный Майсур, от пребывания в котором у меня сохранится столько ярких и приятных воспоминаний. За рулем — Четти в расшитой золотом по бархату узбекской тюбетейке. Мой подарок пришелся ему по душе.

Мы едем в Кунур.

В ГОЛУБЫХ ГОРАХ

Нильгири в переводе означает «голубые горы». Они действительно, без всякого преувеличения, без всякой натяжки, голубые. Ближние цепи бирюзовые, дальние — голубые и синие, как наши васильки.

Своей необычной раскраской горы обязаны цвету порфиров и гнейсов, основных слагающих пород. Там, где эти древние выветрившиеся породы обнажены и открыты взору, они поражают глаз сочностью красок.

Сочетание яркой зелени листвы, резкого солнечного света, чистой голубизны неба и синевы гор создает редкое, неповторимое, ослепительное зрелище.

Нильгири славятся не только своей красотой и богатством растительного мира. Здесь обитают племена, тайны которых не разгаданы до сих пор.

На верхних плато живут тоды. На плодороднейших пастбищах, не уступающих альпийским лугам, они пасут своих богов — буйволов. Это единственное их божество дает все: молоко и мясо для еды, шерсть и кожу для одежды и жилищ. Больших деревень тоды не строят — по долине разбросаны одинокие домики, по форме напоминающие овальную бочку и крытые сухой травой. Вокруг них из крупных камней сделаны ограды. Мужчины племени высоки, стройны, красивы.

Несмотря на чистый воздух, здоровую пищу, на жизнь, лишенную каких-либо треволнений, тоды вымирают. В чем причина, никто не знает, как никто не знает, откуда они пришли. Некоторые этнографы полагают, что это потомки солдат Александра Македонского; другие, основываясь на языковой общности, — что это выходцы из древнего Вавилона.

В густых зарослях лесов обитают темнокожие, низкорослые люди, которых панически боятся южане. В наши дни, дни ракет и спутников, они твердо верят в колдовскую силу этих племен и страшатся их «дурного глаза».

Восточные и Западные Нильгири расходятся, словно два крыла, оставив между собой узкую долину. По ней проложено великолепное шоссе, идущее до самой южной оконечности полуострова — мыса Коморин.

На высоте 2 тысяч метров над уровнем океана лежит Кунур — чудеснейший город-курорт и центр чайного производства юга. В самые жаркие месяцы года здесь прохладно.

Тихий, необыкновенно зеленый, он был излюбленным местом отдыха англичан. И теперь сюда в жару съезжает индийская буржуазия.

Но нас в город привела не экзотика, не загадочные племена, не прозрачный воздух, а малярия.

На улице Кунура

В Тамилнаде за год выпадает от 1500 до 4 тысяч миллиметров осадков, температура в холодное время колеблется в пределах 3 до 20° тепла, в самое жаркое — от 13 до 24°. Поэтому растительность тут буйная. В рощах разместились пришельцы из Австралии — эвкалипты, на склонах гор — чайные плантации, ниже — леса из тика и сандалового дерева.

Кунур расположен в центре внутреннего плоскогорья Тамилнада, а внизу, на огромной равнине, простирающейся до Коимбатура, — нездоровые, заболоченные малярийные районы. Только в последние годы эти гиблые места стали пригодными для жилья. Шефство над ними взяли сразу два учреждения: ВОЗ и Микробиологический институт имени Пастера.

Директор его доктор Н. Веерарагхаван знакомит меня с работой института. Мы осматриваем цех по изготовлению противооспенной вакцины, прививочного материала против бешенства и многих других препаратов. В одной из лабораторий рядом с портретом Луи Пастера висит портрет русского врача В. Хавкина, имя которого носит микробиологический институт в Бомбее. В 1957 г. этот институт отметил 60-летие своего существования.

— Дела таких самоотверженных людей, как Хавкин, подлинных гуманистов, не забываются, — говорит доктор Веерарагхаван. — Он пользовался огромной популярностью среди индийцев при жизни, и до сих пор народ хранит благодарную память о нем.

В конце XIX в. В. Хавкин, тогда еще молодой ученый, работал в пастеровском институте в Париже. Он бился над получением противохолерной вакцины. Три года напряженного труда как будто принесли победу. Осталось только провести экспериментальное исследование — испытать действие препарата на человеке.

В 1892 г. ученый ввел вакцину себе под кожу. Результаты оказались положительными, и трое русских друзей врача проделали то же самое.

Индия, пережившая эпидемию холеры, приглашает русского доктора включиться в борьбу с этим опасным заболеванием. Хавкин соглашается и широко проводит вакцинацию населения. Было привито 42 тысячи человек. Заболеваемость среди них сократилась в четыре-семь раз. Резко упала и смертность заболевших холерой.

В 1896 г. Индию посещает новая беда — чума. Она по-

ражает прежде всего кварталы бедноты портового Бомбея. Когда число жертв «черной смерти» достигло 100 тысяч в день, началась невообразимая паника. Люди бросились бежать из города, разнося пожар эпидемии по всей стране. Английские власти растерялись. И тут снова вспомнили о русском докторе.

В лаборатории Бомбея он изготавливает противочумную вакцину и опять испытывает ее на себе, вводит под кожу тройную дозу — десять кубиков жидкой сыворотки. Испытание прошло благополучно.

Десятки тысяч привитых противочумной вакциной спасены. В Бомбее, Карачи, Калькутте ее применяют с неизменным успехом. Препарат завоевывает все большее признание. Вот почему Бомбейский микробиологический институт носит имя В. Хавкина.

Доктор Веерарагхаван знакомит меня с маляриологами И. С. Карпентером и Б. Н. Моханом. Карпентер представляет меня своей жене-вьетнамке, говорящей только по-французски и по-вьетнамски. Она показывает мне свою любимицу — сиамскую кошку, к которой обращается по-французски. Собака же, привезенная доктором недавно из Лондона, откликается лишь на английскую речь.

— Скажите, — спрашиваю я супругов, — ваши питомцы понимают друг друга, если хозяева их говорят на разных языках?

— Нет. Пока они живут как кошка с собакой, — смеется доктор.

После ужина мы провожаем обаятельного Четти, возвращающегося в Майсур. Расставаться нам обоим ужасно не хочется.

— Дайте обещание, что будете писать, — говорит он, в десятый раз пожимая руку.

Разве я смогу забыть, дорогой друг, дни, проведенные вместе! Конечно, я буду писать, присылать книги по медицине и искусству и с нетерпением ждать ваших ответов.

Когда я вернулся в Москву, на моем столе лежали письма от Г. Д. Четти.

* * *

С Моханом и Карпентером нам предстоит проехать по маршруту Коллар — Меттапелайяме — Марду — Коимбатур.

Мы покидаем Кунур рано утром. Спуск по живописной горной дороге настолько крут, машина несется с такой бешеной скоростью, что в иные секунды захватывает дыхание и шумит в ушах, как при резкой посадке скоростного самолета. Навстречу бегут белые столбики, страхующие машины от случайного падения с обрывов.

Неожиданно дорога выводит нас на небольшую площадку, откуда открывается чудесный вид на подернутую маревом долину. Чувствуется, что там, внизу, настоящее пекло. На крошечном пространстве стоит маленькая часовня, напоминающая «обо»* монголов. Возле статуи божества на ветру покачиваются подвешенные в ряд бараньи лопатки с надписями, лежат медяки и придавленные камушками кусочки материи, оторванные от одежды прохожими.

С высоты 2 тысяч метров над уровнем океана мы стремительно спускаемся в долину, покрытую тропическим лесом, болотами, рисовыми плантациями.

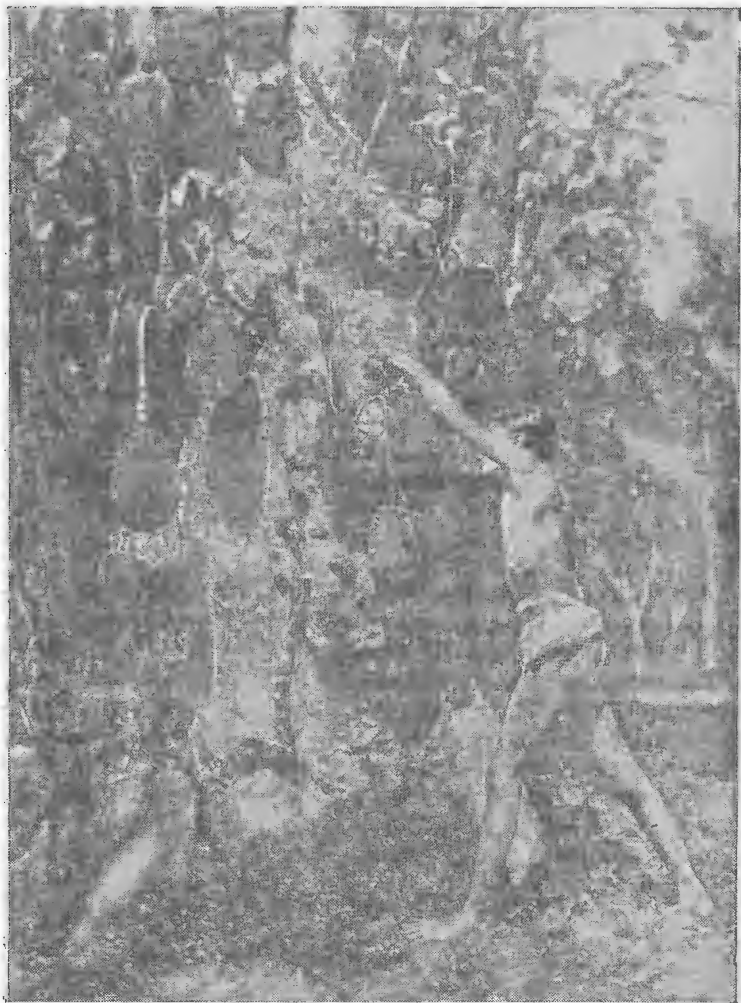
Возле богатейшего на юге ботанического сада решаем сделать остановку. Сад ступенчатыми террасами сбегает по склону горы к самому шоссе. Параллельные, расположенные одна над другой аллеи засажены самыми разнообразными представителями фауны южной Индии.

Мы попадаем в аллею акаций, а затем в заросли хлебного дерева *артокарпус инциза* и близкого к нему вида — *интегрифолия* (местное название — джекфрут).

Плоды его, свисающие прямо со стволов или с толстых веток, достигают 40 сантиметров в длину и 24 в диаметре; весят некоторые из них 25 килограммов и больше. Они богаты крахмалом. Их варят, жарят, сушат, нарезают ломтями, как хлеб, и едят, несмотря на неприятный запах, наконец, закладывают в специальные ямы, где они долго бродят, превращаясь в тесто, пригодное для изготовления лепешек. Урожаем с одного дерева три человека могут кормиться в течение года.

Дальше сад прорезают аллеи, обсаженные кофейными и кокосовыми деревьями, каучуконосами, манго, магнолиями с красными, белыми и розовыми цветами размером с блюдце, коричневым, сандаловым и пробковым деревьями. Много разновидностей фикусов и пальм — *трахикарпус мартуана*, *плектрония*, *каламус*, вьющаяся ротанговая пальма. Густы

* Место, где приносят жертву духам гор и лесов.

Хлебное дерево

заросли тонких, как удилище, бамбуков, панданусов и еще каких-то совершенно не знакомых мне растений.

Чем ниже спускаемся мы, тем больше вокруг тропических растений. Вот перед нами красивая роща устремившихся в небо *ареко-пальм катеху*. Это стройная и изящная бетелевая пальма, достигающая 35 метров высоты. Ее ствол с перехватами в виде колец, как у бамбука, увенчан кроной длинных перистых листьев, среди которых виднеются красные плоды.

За пальмами прячется деревушка Коллар. Дверь небольшого домика плотно закрыта, окна завешаны комароловками из марли. Внутри кровать, на которой спит лабораторный служитель. В течение ночи на запах человека в ловушки слетелось множество комаров. Мохан собирает их в стеклянные пробирки, затыкает ватой и подсчитывает. Насекомые будут использованы для опытов.

Достаточно сделать несколько взмахов сачком — и комары, главным образом *кулекс* и *аэдес*, уже в нем. В этих районах встречается и переносчик малярии — *анофелес-гамби*.

Чтобы добраться до следующего селения, нужно проехать сквозь сплошные заросли джунглей.

Около Меттапелайяме остановка. Здесь, в домике с террасами, лаборатория. Вся освещенная солнцем часть террасы заставлена эмалированными тазами с этикетками на дне. В воде тысячи зеленоватых личинок комаров *анофелес*. В других тазах темно-серые личинки *аэдес*, висящие под острым углом. Как только на них падает тень подошедшего к тазам человека, они мгновенно устремляются на дно. Над тазами с куколками и окрыленными комарами поставлены сетки с металлическими каркасами.

За столом студент-медик увлеченно рассказывает санитарам-индийцам о строении хоботка комара *анофелес*. Под бинокулярной лупой он демонстрирует им две желобчатые длинные пластинки — верхнюю и нижнюю губу. Между ними заметны пять стерженьков. Один из них язык, остальные четыре — пара верхних челюстей (мандибул), имеющих вид острых ножей, и пара нижних (максилл), оканчивающихся пилками.

— У человека, — объясняет студент, — наоборот: верхняя названа максиллой, а нижняя — мандибулой.

— Кто же их перепутал? — спрашивают удивленные слушатели.

— Анатомы. Названия частей и органов человеческого тела они нередко заимствовали у зоологов. В средние века, когда за вскрытие трупа врачу грозил костер, они изучали трупы ночью на кладбищах, извлекая из гробов захороненных покойников. Работая в такой обстановке, нетрудно было ошибиться.

Мохан и Карпентер знакомят меня с экспериментом, который проводится, чтобы изучить устойчивость некоторых комаров к растворам ДДТ. Как правило, эти растворы даже в самых небольших концентрациях убивают их, но существуют виды, легко «привыкающие» и к сильным концентрациям.

Обилие личинок и окрыленных комаров позволяет ставить многочисленные опыты. Невосприимчивость к ДДТ у комаров и мух при частом применении малых концентраций яда повышается в 1800 раз.

— Важное значение, — замечаю я, — приобретает также изучение вопроса об устойчивости к препаратам не только насекомых, но и бактерий. Применение пенициллина, стрептомицина и иных антибиотиков обязывает нас знать, при каких дозах микробы-возбудители к ним «привыкают», а при каких погибают. Эту проблему успешно решают советские ученые В. Д. Тимаков, Х. Х. Плanelьес и др.

— Мы слышали об их исследованиях, но самих работ не читали. Хорошо было бы перевести их труды на английский язык. К сожалению, у нас не многие читают по-русски.

— Если повышать концентрацию ДДТ, — говорит Мохан, — он окажет вредное действие на человека, на домашних и диких животных. Лесоводы жалуются на массовую гибель пчел, шмелей и насекомых, опыляющих деревья. Это может привести к гибели лесов. Нас часто спрашивают, как уберечь от ДДТ бабочку шелкопряда, ласточек и других полезных птиц. Ведь ласточка за сутки истребляет более тысячи листоядных насекомых. Эти проблемы возникают как раз тогда, когда, казалось бы, найдены безупречные препараты для борьбы с комаром. Задача биохимиков — отыскать новые препараты, опасные для этого насекомого, но безвредные для других животных.

Становится невыносимо жарко! На термометре 102 градуса по Фаренгейту, 40 градусов по Цельсию.

Мы движемся на юг к селению Марду. Мелькают придорожные деревья, бредут погонщики ослов. Полуголые

прохожие несут на головах корзины, тюки. Вся одежда юношей и подростков состоит из набедренных повязок. Взрослые мужчины носят просторные рубахи и подобие короткой юбочки из белой материи. На женщинах также коротенькие юбки и кусок материи поверх них. Некоторые, встретив мужчину, берут в рот конец треугольника, чтобы прикрыть им грудь; когда встречный удаляется, треугольник превращается в фартук.

На дорогах много обезьян и грифов, отвратительных, безобразных птиц. Марк Твен очень точно описал их: «...Гриф — лысый, красный, с уродливой странной головой и голыми, без единого перышка, проплешинами по всему телу; пронзительные большие черные глаза, и вокруг них ободки голого, словно воспаленного мяса; рассеянный взгляд: вид совершенно деловой, самодовольный, бессовестный, вид злодея, — и однако, эта птица с внешностью профессионального убийцы никогда не убивает. Зачем ей понадобился столь устрашающий вид при ее мирном образе жизни? Ведь она отнюдь не нападает на живых, ее пища — падаль, и чем больше она воняет, тем лучше. Природа должна бы дать этой птице порыжевшее черное одеяние — тогда она походила бы на гробовщика, что и соответствовало бы ее привычкам; нынешний же ее вид ужасно неуместен».

Грифы действительно ужасны, но их роль «санитаров», очищающих степи и равнины от источников заразы — разлагающихся под тропическим солнцем трупов, огромна. Любопытно, что они безнаказанно для себя пожирают мясо чумных грызунов, животных, погибших от сапа, сибирской язвы и ящура. Как же велик запас иммунных тел у них в крови!

В МАРДУ

Наш приезд в Марду вызывает всеобщее оживление. Под кроной колоссального дерева расставляем походные ящики, табуреты, начинаем осмотр пациентов и приступаем к исследованию крови. Желающих подвергнуться осмотру немало, образуется очередь. Сюда же приходят козы, недоумевающие, почему занято их привычное место в тени манго. Коз отгоняют, но упрямые животные лезут опять и опять.

Дезинсекторы за работой

Мы распределяем роли. Карпентер берет кровь, а Мохан и я прощупываем селезенки, в первую очередь у детей, потом у взрослых. Все в порядке: селезенки в норме. Приятно видеть веселые и бодрые лица ребятишек.

Мое внимание привлекает мальчик лет двенадцати с заячьей губой. Справляюсь у взрослых, почему не сделана операция. Мне сообщают, что родители подростка бедны и не в состоянии заплатить хирургу.

Прием окончен, и мы начинаем обход домов. Возле колодца задерживаюсь, чтобы увидеть, каково его устройство. Худенькая старушка вытягивает веревку. Беру у нее из рук веревку и пытаюсь вытянуть привязанное на конце ведро. Окружившие нас женщины громко смеются. Здесь, оказывается, не принято, чтобы мужчина доставал из колодца воду. Это обязанность женщин.

В жилищах нет окон, зато двери широкие. Глиняные стены побелены, крыши из соломы. В небольшом дворике

бродят худые черные свиньи, индюшки, ослы, собаки. Часть дворов сплошь обнесена колючими прямыми кактусами.

На дверях многих жилищ виднеются отметки мелом. Это значит, что тут побывали бонификаторы, обработавшие все хозяйственные постройки раствором ДДТ.

В одном из домов навстречу нам, опираясь на палку, поднимается мужчина; у него явные признаки *вухерериоза*, или *филяриоза* (слоновая болезнь).

Возбудитель ее — паразит нитевидной формы — передается через укус комаров *кулекс мансона* и *анофелес*. Половозрелые черви паразитируют в лимфатических сосудах и узлах, а личинки — микрофилярии обитают в лимфе и крови. В организме человека взрослые особи живут до 17 лет, микрофилярии — около 70 дней.

Поселяясь в лимфатической системе и соединительной ткани, червь и их личинки нарушают нормальную циркуляцию лимфы и вызывают сильные отеки ног, рук, живота. Болезнь длится иногда десятилетиями, постепенно прогрессируя. Она не имеет ничего общего с отечностью ног при сердечных и почечных заболеваниях.

У осмотренного нами больного ноги и руки увеличились в объеме в несколько раз, сильно отвис живот. Ему может помочь разве только длительное лечение в больнице при систематическом введении внутривенно препарата гетразана, пагубно действующего на паразитов.

Но для этого нужны деньги. Выслушав советы, больной молчит и, грустно улыбнувшись, кивает на свою жалкую хибарку. Ее потрескавшиеся, облупленные стены и давно не крытая свежей соломой крыша свидетельствуют о весьма скудном достатке хозяина. Карпентер роется в нашей аптечке, находит гетразан и эластический бандаж, которым мы бинтуем ему ноги.

Обратно возвращаемся той же дорогой. На полпути закапризничал мотор, и мы вынуждены сделать небольшую остановку. Сворачиваем на обочину шоссе и устанавливаем машину в тени широколистных бананов.

Я углубляюсь в чашу, чтобы лучше рассмотреть банан. Там, где его стебель соединяется со стволом, скапливается дождевая вода и образуется как бы естественный водоем. Это излюбленное место обитания личинок малярийных комаров. Достāju пробирки, пипетки, взбираюсь по стволу банана и легко обнаруживаю личинки.

— Доктор, — раздается встревоженный голос Карпентера, — спускайтесь поскорее.

Сказывается, здесь водится *дриофис пульверулента*, древесная змея светло-зеленого цвета с поперечными полосками. Совершенно неотличимая от бананов, она подолгу висит неподвижно между листьев, подкарауливая ящериц. Для человека яд змеи не опасен, но от ее укуса образуется довольно обширная рана.

За банановой рощей раскинулась небольшая деревушка с приземистыми домиками. Возле них устроено нечто вроде палатей на высоких шестах. Здесь укрываются от комаров, москитов и зноя.

В течение многих лет эти места были сильно заболочены. Немалых усилий стоило отвоевать их у болот, однако из-за малярии они продолжали оставаться безлюдными. И только несколько лет назад, когда болезнь удалось победить, тут разбили небольшие плантации и сады. Площадь культурных земель постоянно увеличивается.

Деревенские собаки, вялые и неправдоподобно тощие, не обращают на нас никакого внимания. Щенята, совсем крошечные, почти игрушечные, так же меланхоличны, как и их родители. Невольно сравниваешь их с нашими барбосами, от которых чужой может отбиться только палкой.

Посреди полянки установлена карусель предельно простой конструкции — на двух бревнах две крестовины, к которым прикреплены веревками ящики. В них разместились дети. Взрослые перехватывают руками крестовины и вращают их по оси. Дети восторженно визжат и смеются. Они здесь, как, впрочем, и везде в Индии, очень красивы. Огромные глаза обрамлены густыми ресницами.

Мужчины темноволосы и белозубы. Тюрбаны ярко-оранжевого цвета оттеняют почти черную кожу. Женщины очень хрупки. У них узкие бедра, впалая грудь, удлиненные лица. Одеты они в светло-желтые и розовые сари.

Нас почтительно приветствуют возгласом «Рам-рам». Кто-то приносит щипковые инструменты — сарангу и тамбуру. Мы с удовольствием слушаем игру музыкантов.

Малярийных больных в деревне не обнаруживаем, но обращаем внимание на людей (детей и взрослых) с явными признаками малокровия. Большие животы, тонкие ручки и ножки делают детей похожими на пауков. Осмотр и подробные расспросы позволяют без труда определить нека-

Гороз — глистное заболевание, по тяжести не уступающее малярии.

Идеальной средой для развития личинок некто́ра является плодородная земля кофейных, банановых и сахарных плантаций. Через короткий срок личинки становятся червями, которые питаются кровью человека и по праву приобретают название убийц.

К счастью, под жарким тропическим солнцем жизнеспособность личинок сохраняется всего лишь шесть-восемь часов.

— Вот косвенные виновницы широкого распространения некто́роза, — говорит Карпентер, указывая на мирно клюющих кур.

— Каким образом? — удивляюсь я.

— Дети нередко отправляют свои естественные надобности во дворах возле хижин, на улицах, огородах и вместе с фекалиями оставляют яички некто́ра. Вездесущие куры расклевывают кал, и яички попадают в их кишечник. Личинки через него проходят живыми и вместе с куриным пометом рассеиваются по территории села, двора, плантации. Обувь здесь почти не носят, а личинки способны проникать через неповрежденную кожу.

— Вероятно, тут распространен и *аскаридоз*, — предполагаю я.

— Да, на территории от Бангалура до южной точки полуострова более 30 процентов населения поражено им. Часто встречается также *висцеральный лейшманиоз* — кала-азар, поражающий главным образом селезенку. Он передается москитами, заражающимися от больных собак и грызунов.

Я смотрю на изможденные лица индийцев, на их жалкие лачуги и думаю о том, как много еще предстоит сделать, чтобы люди избавились от болезней, жили лучше, счастливее, дольше.

Страна, насчитывающая 439 миллионов жителей, обладает неисчерпаемыми возможностями для процветания.

* * *

Возвращаясь в Кунур, мы как бы просматриваем ту же пленку, но только пущенную в обратную сторону. Мелькают села, деревушки, стройные арековые пальмы, бананы, бесстрашно сидящие на шоссе обезьяны.

В ожидании первых покупателей

Утром в сопровождении доктора Мохана направляюсь в центр города. В густой зелени садов прячутся особняки владельцев чайных плантаций.

В ресторанчике, с циновками из пальмовых листьев вместо стен, выпиваем по чашке кофе. Я с интересом рассматриваю свисающие с потолка спирали клейкой бумаги. На них довольно полно представлен мир насекомых. Кого тут только нет — и комары, и москиты, и мухи, и цикадки, и моли, и ночные бабочки.

Возле базара, под могучими смоковницами, разместились лоточники, продающие горячие лепешки. Дальше начинаются торговые ряды, где на половиках и ковриках разложены товары.

Продавец, сидя на корточках, примеряет девочке-подростку раскрашенные медные браслеты. Седой индеец с длинными волосами, висячими усами и бородой, как у деда-мороза, предлагает леденцы-петушки, свистульки и бумажные вертушки на палочках.

На лотках богатейший выбор духов и цветочных одеколонов. В пузырьках и флаконах — розовое, бергамотовое, эвкалиптовое масло, эссенции.

В стеклянных витринах магазина выставлены куклы, закрывающие глаза и произносящие «мама». При них комплект смены белья и крошечная бутылка с соской. Если дать кукле соску, из глаз ее потекут «слезы». Дети с восторгом смотрят на недоступные им игрушки. Кое у кого блестят настоящие слезы.

У входа в небольшие лавочки висят плетенные из прутьев клетки, в которых негромко посвистывают перепелки.

Утром я покидаю Кунур, чтобы попасть на аэродром в Коимбатуре, откуда самолет должен доставить меня в Мадрас.

В час дня машина въезжает на открытое поле аэропорта.

К моим вещам в чемодане прибавилась коллекция комаров юга Индии, подаренная кунурскими врачами. Среди них переносчики малярии *анофелес флювиатилис*, *кулицифацис*, *аконитус*, *варуна*, *карвари*, *умброзус* и другие, не встречающиеся у нас виды.

На кунурском базаре

Аэропорт Мадраса расположен довольно далеко от города. Из окон автобуса видны унылые песчаные равнины. Глаз радуется лишь гладь Бенгальского залива, вдоль которого пролегает магистраль. Чем ближе к столице штата, тем больше зелени. Небольшие рощи кокосовых пальм сменяются деревьями великанами — казуаринами. Эти переселенцы из Австралии великолепно прижились здесь; некоторые из них достигают 40 метров. Могучие корни, словно щупальца спрута, разбегаются среди песков, закрепляя их.

Вскоре показываются домики окраины, а затем виллы, принадлежащие более зажиточной части населения. Проезжаем набережную, район университета, несколько оживленных улиц и попадаем на Маунт-руд. Здесь разбиты скверы, засаженные акациями и фикусами. Вдоль тротуара выстроились кокосовые пальмы, альбиции, бананы и хлебные деревья. На клумбах цветут красные, как факелы, канны, флоксы, циннии.

Вот и гостиница. Менеджер, энергичный, исключительно деловой человек, передает ключ от номера и осведомляется о цели моего приезда. Он звонит людям, с которыми мне нужно встретиться, договаривается с кассой аэродрома о билете до Коломбо.

Поднимаюсь в номер, вешаю снаружи табличку с надписью «прошу не беспокоить» (дверь в коридор не запирается) и собираюсь отдохнуть. В гостинице тихо. Тут стараются беречь покой приезжих — радио нет, все говорят вполголоса.

Я широко открываю окно, выхожу на балкон — и буквально гложу от пронзительного карканья ворон. Шум, производимый ими, не сравнить даже с самым громким репродуктором. Гнезда их расположены на деревьях под самым окном. Они непрерывно копошатся там, залетают на балкон, садятся на подоконники, забираются в комнату.

Бесцеремонностью и нахальством индийскую ворону не превзойдет ни одна птица.

Марк Твен в своих воспоминаниях об Индии уделил ей немало внимания и отметил именно это качество: «Когда я сижу в одном углу балкона, вороны присаживаются на перила в другом и обсуждают мою персону; они придвигаются ко мне все ближе и ближе, пока не оказываются

Жительницы Мадраса

почти рядом; тут они и сидят и без всякого смущения болтают насчет моего костюма, моей прически, цвета лица, какой у меня может быть характер, какова профессия и каковы политические взгляды... Я криком гоню их прочь, они недолго кружат в воздухе, смеясь и издеваясь, потом опять присаживаются на перила и принимаются за старое».

Коридорный предупреждает, чтобы на столиках не оставляли часы, запонки, перстни и другие блестящие предметы. Недавно у одного постояльца ворона утащила даже золотую челюсть.

По поводу вороватости этих птиц хозяин гостиницы имеет свою теорию: многие домовладельцы собирают древесный сок, для чего надрезают кору деревьев и подвешивают глиняные горшки, куда этот сок стекает. Накопившаяся жидкость бродит и превращается в хмельную брагу. Птицы постоянно пьют ее и спьяну безобразничают. Как ни фантастично это объяснение, я готов с ним согласиться.

Индийская ворона весьма неприглядна с виду — значительно крупнее, чернее и уродливее нашей; у нее длиннее

и тоньше ноги, длиннее клюв, ближе посажены любопытные, бегающие глазки.

Бесстрашие ее поразительно. Впрочем, в Индии многие птицы и животные не боятся людей. Что это — отсутствие защитной реакции, рефлекс, возникший вследствие того, что животных здесь не уничтожают? Очевидно, так.

Знакомство с городом начинаю с микробиологического института. Врачи-паразитологи показывают свою богато оснащенную оптическими приборами лабораторию. Под бинокулярной лупой вяло шевелит ногами переносчик филарииоза — комар *кулекс фатиганс*. Оглушенный парами эфира, он позирует муляжисту.

Кругом множество муляжей из воска, цветных нейлоновых ниток, прозрачных пленок.

В комнатах-холодильниках приятная прохлада, в вивариях, где содержатся лабораторные животные просторно и чисто.

В помывочной шумят машины, легко справляясь с разнообразнейшим стеклом, — струи кипятка и мыльная пена моют банки, чашки, пробирки, а щетки протирают их, окутывают водой и передают для сушки.

Мы осматриваем коллекции музея института. Вдоль стен развешаны увеличенные фото комаров, москитов, клещей, схемы цикла развития ришты. В 1955 г. из 424 тысяч обследованных жителей штата ришта оказалась у 10 343. В том же году здесь зарегистрирован 1031 случай проказы. В селениях Малабара, в окрестностях Коимбатура встречалась фрамбезия.

В сводных таблицах приведены данные о смертности за период 1946—1955 гг. От холеры в штате погибло 107 060 человек, от чумы — 4956, оспы — 34 809, дизентерии и поносов — 36 922, лихорадок (включая малярию) — 1 036 526 человек. В те же годы от болезни легких умирало в среднем от 69 тысяч до 53,5 тысячи в год *.

Я покидаю институт, напутствуемый просьбами начать обмен литературой. Несколько интересных снимков и коробка с комарами — первый взнос в счет будущих научных контактов.

Столицу штата, город с полутора миллионным населением, мадрасцы считают и столицей всего юга Индии.

* «Отчет о заболеваемости в штате Мадрас за 1955 год», Мадрас, 1958.

Сопровождающий меня врач Бозе влюблен в свой город, великолепно его знает и с удовольствием показывает мне.

В центре Мадраса на огромной площади расположены древние индуистские храмы. Они окружают четырехугольный пул (водоем), к которому ведут пологие ступени каменной лестницы. В самом центре его возвышается небольшой храм с 12 колоннами. Чтобы добраться до него, надо идти погружившись по пояс в воду. Пул густо зарос листьями лотоса, в нем кишат низшие ракообразные — циклопы, дафнии и другие планктонные животные.

Группа богомольцев бредет к храму. Их цель — обойти все четыре стены его и приложиться к каменным изваяниям. Несколько ребятишек купается в свободной от лотоса воде, взрослые тут же стирают белье.

Нет сомнений в том, что в пуле легко подхватить ришту: богомольцы считают воду «святой» и пьют ее, проглатывая с ней зараженных риштой циклопов.

В Мадрасе не прекращается амебная дизентерия. Она распространяется не только механическими переносчиками — комнатными мухами и тараканами, но передается и через грязную воду. Белье все тех же богомольцев, переболевших дизентерией, содержит цисты (дизентерийных амёб, окруженных толстой оболочкой). Попав с грязной водой в желудок, возбудитель сбрасывает цисту, размножается в толстых кишках, изъязвляет их стенки и вызывает кровавый понос.

Пул насыщен и простейшими — жгутиковыми, поселяющимися в человеке и вызывающими различные грибковые заболевания.

— Почему бы, — спрашиваю я доктора Бозе, — не запретить сюда массовое паломничество, питье воды из пула, стирку белья в нем? Надо разъяснять людям в печати, брошюрах, листовках об угрожающем им заражении паразитами. Если по религиозным соображениям этого сделать нельзя, то надо хотя бы очистить пул от лотоса, спустить воду, заменить ее проточной, хлорированной.

— Может быть, кипяченой? — печально улыбается доктор. — Запретить паломничество к святыне нельзя. Сюда стекаются тысячи богомольцев. Каждый из них считает своим долгом подойти к изображению божеств. В мае здесь отмечается день рождения одного из них, в августе — другого, с 6 по 9 октября — снова праздник торжества добра над злом. В этот день, по традиции, Рама одержал победу над злым демоном Раваном. Около храма

на костре сожгут его изображение. Представляете, что тут будет твориться? Разве после многовекового убеждения в том, что вода священна, как сами боги, можно поверить, что она — рассадник болезней?

Я тяжело вздыхаю. Не чересчур ли дорогой ценой платят индийцы за поклонение идолам?

— Надо говорить правду и, если она неприятна, приносить ее громче и чаще.

— За год в Мадрасе и во всем штате врачи прочитали 251 лекцию о предупреждении болезней, присутствовало 122 тысячи человек, но этого, конечно, недостаточно, — отвечает Бозе. — Почти невозможно принимать какие-либо энергичные меры по санитарной профилактике в стране, где существует обычай ежедневного омовения холодной водой (из любого водоема, да еще без мыла) с головы до ног. Кроме того, всякая быстро текущая вода считается чистой и пригодной для питья. Вода из священного водоема при храме тем более не может пугать жаждущего исцеления, и он ее пьет. Во время эпидемий подобные обычаи приносят страшный вред.

Возле хоама я увидел обнаженного по пояс мужчину с тюрбаном на голове. На бритом лице, туловище и руках вся кожа казалась татуированной, покрытой зигзагообразными линиями. Она напоминала собой ствол старого дерева с ободранной корой, на поверхность которого нанесен причудливый узор. Присмотревшись, я убедился, что кожа шелушится. Очевидно, вся эта мозаичная роспись нестерпимо чесалась, потому что ее обладатель яростно скреб пятернями грудь, бока и спину.

Передо мной был больной, страдающий тропическим тинеем имбриката, или малабарским зудом. Это грибковое заболевание встречается на юге Индии, Цейлоне, Малайском архипелаге и в ряде других мест.

В тот же день вечером в госпитале врач показал мне еще одно грибковое заболевание, характерное для штата Мадрас, — *мицетому*, или *мадурикоз*, мадурская стопа. Когда были сняты бинты и вата, я увидел изуродованную до неузнаваемости, увеличенную вдвое стопу, изрытую глубокими язвами и трещинами и покрытую сукровицей. Зрелище было поистине ужасным. Я попросил разрешения вымыть руки, хотя ими ни до чего не дотрагивался.

В соседней палате мы остановились у постели юноши, который мучался от семидневной лихорадки, встречающей-

ся только в двух местах земного шара — Индии и Японии. Она распространена среди жителей деревень, расположенных в глухих лесах, где обитают полевые мыши вида *микротус монтебеллон*. Больной сильно ослаб. У него болела голова, отсутствовал аппетит, ныли мышцы, сильно увеличались железы.

Мальчика-подростка укусила крыса и ввела в рану возбудителя, вызывающего содоку. Он содержится в слизистой оболочке десен и языка, в слезах александрийской крысы. В месте укуса на ноге образовалась отечная, сильно воспаленная язва. Лимфатические сосуды казались красными тяжами. Чтобы приостановить распространение инфекции, они приняли на себя первый удар. Но возбудитель уже прорвался в кровь: на груди ясно обозначилась пурпурно-красная сыпь.

К счастью, высокая температура при содоку держится всего два-три дня, смертность не превышает 10 процентов случаев.

Последний пациент, привлечший наше внимание, страдал кеданской лихорадкой, или *тэутэугамуши*, болезнью, распространенной главным образом в Японии, но встречающейся также вдоль восточной прибрежной полосы Индии и Цейлона.

Возбудитель — *риккетсия ориенталис* — передается летом или осенью при сборе ягод, корней, фруктов небольшими клещами, которые водятся на берегах рек. Передатчиками выступают самцы кровососущих личинок клещей из семейства краснотелок. Любопытно, что риккетсии не оставляют клеща на всем пути его развития — они присутствуют в яйцах, личинках, нимфах и во взрослых краснотелках. Попадают возбудители к ним от полевых мышей, крыс и других мелких животных. Болезнь протекает, как сыпной тиф, и сопровождается повышением температуры, высыпанием на коже, лихорадкой, упадком сил.

Назавтра продолжаем осмотр города. На самом берегу Бенгальского залива воздвигнут памятник труду. На четырехгранном пьедестале группа рабочих при помощи палок-рычагов сдвигает огромную каменную глыбу.

Тут же установлен и памятник Ганди. В развевающемся на ветру плаще, сильно ссутулив спину, он размашисто шагает по слегка приподнятому пласту земли на овальном

постаменте. Фигура удачно передает стремительность и энергию Ганди.

Такси отвозит нас в старую часть города. Зеленые насаждения — кустарники, пальмы, *фикус религиоза*, манго, смоковницы — делают ее очень приятной.

Я слышал, что цветы Индии красивы, но не имеют запаха. Может быть, в другие месяцы года так оно и есть, но в мае воздух напоен благоуханием. Тонкий аромат жасмина, бальзаминов, белой туберозы и золотистой чампы кружит голову.

В узких улочках старого Мадраса идет своя жизнь. Десятки людей несут на головах корзины с фруктами и овощами. С трудом пробиваются сквозь толпу груженные товаром рикши. Полуголый старик в розовой чалме зачем-то звенит колокольцами. Возможно, это дервиш. Прямо на панели парикмахер бреет клиента. Неподалеку остановился седой садху. Он о чем-то задумался.

К каменной ограде мечети лепятся шалаши из фанеры, рогожи и мешковины. Возле них толкуются ребяташки, женщины готовят на керосинках обед, стирают белье и тут же развешивают его.

На крытом рынке продают животных и птиц. В клетках выставлены красные и синие попугаи с желтыми полосками между клювом и крылом, дятел с золотистой спинкой. Рядом загон для индюшек, уток, кур, клетки с кроликами, корзины со щенками.

Отдельно помещены обезьяны. Среди них детеныши лемуров. Мордочки их старчески сморщены, большие глаза круглые, кожа обвисла.

Из зверинца попадаем в аллею лавчонок, где продаются граммофоны выпуска 1912 г., не действующие зонты, припусы, подсвечники, битая, но аккуратно скрепленная скобками посуда, съеденные молью дорогие меха, заплесневевшие книги, старинные открытки, гвозди, замки, гайки, стоптанная обувь и другой, казалось бы, неходовой товар. Однако тут полно покупателей, они роются в хламе, прицениваются и что-то покупают.

Бродячие артисты исполняют какую-то сцену. Реакция зрителей свидетельствует о том, что они не остаются безразличными к изображаемому. По соседству дают представление кукольники.

Целые районы базара заняты жестянщиками. Ст непрерывного стука молотков здесь страшно шумно. Зато тихо

Садху можно часто встретить на улицах города

в рядах с готовым платьем, где можно купить все — от грубошерстных фуфаяк до модных костюмов и французских блузок с кружевами.

Тощий старик крутит допотопную шарманку. В мотиве, близком к нашей «Разлуке», не хватает отдельных звуков: вероятно, отсырели клапаны. Попугай за пару монеток предсказывает будущее.

Навстречу нам идет группа сикхов с черными бородами. Они не стригут волос ни на голове, ни на подбородке.

Попадают раджастанцы, они тоже носят длинные волосы, собирая их в пучок на затылке.

Наше внимание привлекает большая толпа. Подходим поближе и становимся свидетелями интересного зрелища.

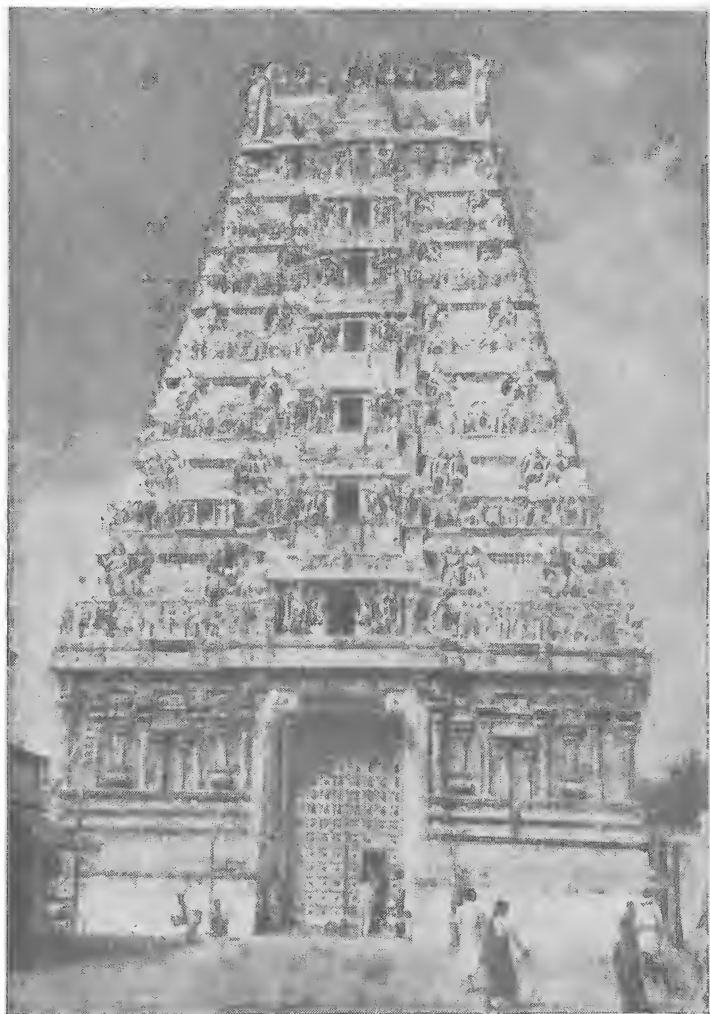
Индиец в тюрбане и красочном костюме, насыпав на разостланный половик битое бутылочное стекло с острыми краями, кладет на него в несколько слоев толстое ватное одеяло и забирается в него по грудь. Затем он делает знак шоферу грузовой машины. Двойные скаты передних и задних колес при гробовом молчании толпы медленно проезжают по завернутому в одеяло факиру. Через минуту он преспокойно поднимается и начинает собирать деньги. Публика поражена. Удивленные возгласы, вопросы — как он смог вынести на себе такую тяжесть?

— Спасла вера, — говорит факир, возводя глаза к небу и молитвенно складывая руки.

Бозе объясняет суть фокуса — в сложенное трубкой одеяло искусно запрятан лист из упругой стали. Шоферу ширина стального корсета известна, и он не должен ошибиться. За это ему дается часть заработка. Вот почему, оказывается, факир так ревностно охранял свое одеяло от любопытных.

Я заканчиваю осмотр города в музее, носящем краеведческий характер. В нем экспонируются предметы старины, остатки архитектурных сооружений, детали культовых построек (обломки фигур танцующего Шивы, головы каких-то мифических существ, орнамент по мрамору, иногда очень сложный и красивый), а также животный и растительный мир штата.

В одной из витрин выставлено чучело удивительного обитателя Индийского океана — илистого прыгуна — *перифthalmуса*. Эта диковинная рыба всем своим поведением

Храм в Канчипураме

как бы напоминает о том далеком времени, когда обитатели водных пространств приспособлялись к жизни на суше.

Охотясь за насекомыми, прыгун время от времени вылезает из воды и при помощи мускулистых грудных плавников взбирается на прибрежные камни. Здесь он лежит по нескольку часов, иногда глубоко зарываясь в ил.

Повышенная влажность воздуха и развитое кожное дыхание рыбы позволяет ей подолгу находиться вне привычной среды.

Глаза у нее сдвинуты буквально на макушку и очень сближены, отчего кажутся непропорционально большими. Рот, открытый в виде буквы О, напоминает жабью пасть, а плавники — кошачьи лапы. Повстречав такое чудовище на дороге, да еще в сумерках, не мудрено принять его за оборотня.

Не меньший интерес вызвал у меня и другой экспонат — дюгонь, мордастый, с маленькими глазками, усатый, как морж, зверь, достигающий 3 метров в длину. Он — ближайший родич вымершей еще в середине XVIII в. морской коровы, впервые описанной русским ученым Г. Стеллером в 1741 г.

Это водное млекопитающее встречается преимущественно у берегов Индийского океана. Великолепный пловец, он абсолютно беспомощен на суше.

Дюгонь — единственное в мире животное, у которого сердце посредством глубокой борозды разделено как бы на два сердца. Подобное явление заставляет вспомнить о необъяснимом уродстве, наблюдающемся иногда у человека и обнаруживающемся у нежизнеспособных новорожденных. В таких случаях задерживается развитие мышечных пучков, общих для обоих желудочков, что приводит к удвоению верхушки сердца. Иными словами, взрослый дюгонь довольствуется как бы зародышевым сердцем, давно отвергнутым в процессе эволюции млекопитающих.

Я иду в гостиницу пешком, чтобы в последний раз полюбоваться городом. Мое пребывание в Индии завершилось.

Ровно в полдень самолет частной индийской компании поднимается с мадрасского аэродрома и берет курс на юг. Нам предстоит пересечь неширокий Полкский пролив, от-

Храм в Мадурани

деляющий Индию от Цейлона. Весь перелет занимает обычно два-три часа.

Небо совершенно сливается с водой, и трудно понять, где кончается океан воздушный и начинается водный. По мере приближения к Цейлону цвет воды меняется — постепенно она становится зеленой, потом синей и, наконец, васильково-голубой. Вдали возникают очертания острова Ланка *.

На земном шаре есть места, названия которых утратили, если можно так выразиться, свой прямой, «географический», смысл и связываются либо с реальным историческим событием, либо с представлением о чем-то недостижимо прекрасном. Кто, например, при имени «Ватерлоо» вспоминает о маленькой деревушке в Бельгии? Оно всегда ассоциируется со знаменитой битвой, трагически изменившей судьбу Наполеона и заключившей целый исторический этап в жизни Франции и Европы.

Цейлон с давних пор стал синонимом земного рая. Райский остров! — на этом определении сходились все путешественники, когда-либо побывавшие там.

Райская земля! Какой-то окажется она в действительности?

* Так называют свою страну цейлонцы.

цейлон

В СТОЛИЦЕ

Подлетаем к Коломбо. Внизу расстилается гигантский ковер изумрудной зелени. С небольшой высоты хорошо видны невысокие горы, лилово-коричневые долины, серые, тонкие нити шоссе, красные крыши коттеджей.

Как ни странно, первое впечатление «невсамделишности» создается от аэродрома. Среди немыслимого буйства природы тянется огромная полоса обнаженного асфальта. На голом поле выстроились самолеты многих стран мира.

Такси везет меня мимо неправдоподобно прекрасных парков и садов. Мимо магнолий в цвету, манго, высоких бананов, кустов декоративных растений, колоссальных клумб. Богатство красок, обилие оттенков, разнообразие форм и причудливость сочетаний просто ошеломляют.

В гостинице на Галле-роуд меня уже ждет представитель ВОЗ, доктор Эрнборг. Мы немедленно приступаем к изучению сводок с последними данными о вспышках малярии, намечаем пункты, которые нужно посетить, устанавливаем сроки. В деловой беседе я забывал обо всем, что не относилось непосредственно к цели моей поездки. Но стоило случайно взглянуть в окно, увидеть безбрежную синь океана, голубизну неба, пальмы — и я застывал на полуслове с открытым ртом.

Собеседник, видимо, отлично понимает мое состояние и терпеливо ждет, когда я снова смогу его слушать. Пришлось признаться, как не терпится мне посмотреть город и какой простодушно-детский восторг я испытываю при мысли, что нахожусь на Цейлоне.

С Эрнборгом мы подружились сразу. Образованный врач, веселый и приветливый человек, он, кроме того, отличался поразительной пунктуальностью и появлялся точно в назначенный час, без единой минуты опоздания. Рабо-

тать с ним было истинным удовольствием. Каждое утро он заезжал за мной, и мы отправлялись по делам или просто бродить по городу. Лучшего гида, чем Эрнборг, представить трудно. Он знает массу вещей о жизни острова, его истории, природе и рассказывает мне об этой чудесной земле, на которой нас свел случай, подробно и проникновенно.

С веранды гостиницы открывается прекрасный вид на океан. Забываясь в закрытый плющом уголок и любуюсь закатом. По чуть темнеющей лазури неба плывут вереницы бело-розовых облаков. Колоссальный огненный шар медленно перемещается к линии горизонта. Ярко-желтые и красные полосы постепенно заменяются лиловато-сиреневыми. Веера пальм, как черные аппликации, отчетливо выделяются на этом многоцветном фоне.

Неожиданно розоватый свет гаснет, океан чернеет, облака закрывают место вечерней гибели солнца, затем багровеют, темнеют и вслед за ним погружаются в фиолетово-синюю мглу. Сейчас же на небе зажигаются звезды, крупные, искристые, похожие на драгоценные камни.

Вдоль берега громоздятся каменные глыбы. Они заменяют скамьи. Можно отыскать небольшую нишу и, забравшись в нее, остаться один на один с океаном. Но я не ищу уединения, напротив, мне хочется видеть все — и океан, и золотой песок, и шумную улицу, и людей.

Ко мне подходит высокий бронзовый юноша, с веселыми ореховыми глазами, и, улыбаясь, предлагает показать, как на острове ловят рыбу.

— Всего одна рупия, сэр, — говорит он на ломаном английском языке, — и вы потом сможете рыбачить сами.

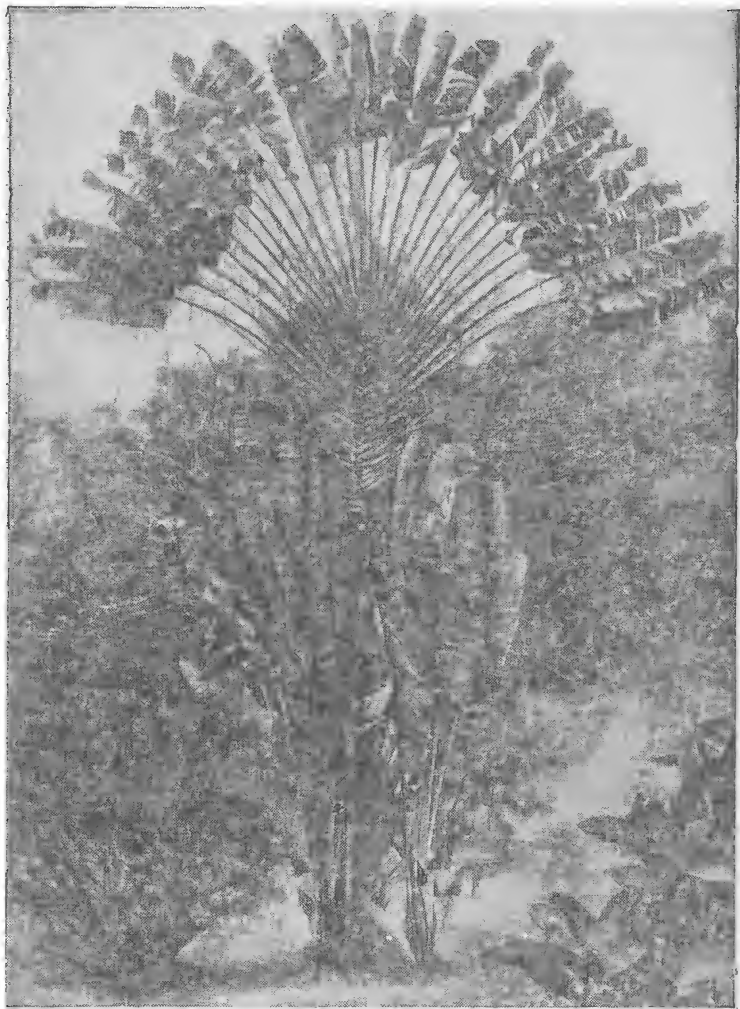
С ловкостью и быстротой фокусника он разматывает леску с крючками и грузилом, насаживает червей и забрасывает ее в полосу прибоя. Я внимательно слежу за манипуляциями цейлонца (действует он умело), но улова не жду. К моему удивлению, юноша довольно быстро извлекает из пенящихся волн серебристую, пучеглазую рыбу сантиметров семидесяти в длину. Получив рупию и дав мне возможность как следует налюбоваться рыбой, он снимает ее с крючка и неожиданно бросает обратно в океан. Я развожу руками.

— Зачем ты это сделал?

— Так ведь я обещал лишь показать, как ловят.

— Но ты смог бы продать ее кому-нибудь.

— Рыбу я ловил только для тебя.

Травянистые растения бананы достигают иногда 10 метров

Я невольно смеюсь. Странное, но справедливое представление о честности.

Подобно многим своим сверстникам, молодой человек зарабатывает на жизнь, демонстрируя самые различные «фокусы» туристам. Иногда они просты, иногда же связаны с риском для жизни.

— Давай искупаемся, — предлагаю я.

Он машет руками: в океане полно акул.

Для купания имеется искусственный бассейн с проточной водой. Раздеваюсь и, прежде чем броситься в воду, по старой привычке усаживаюсь на мраморный край, чтобы немного остыть. Ко мне подсаживается цейлонец. Знакомимся. Спрашиваю, почему он, местный житель и, наверно, прекрасный, как все островитяне, пловец, предпочитает бассейн океану?

— Боимся акул. Здесь их несметное количество. А в водоеме спокойно, да и вода куда чище. В прибрежных заводях и заросших тростником заливах можно подхватить *спарганоз*. Как-то в жаркий день я искупался в озере, потом не мог найти места от нестерпимого зуда. Врач, лечивший меня, рассказал, что чайки, утки и другие птицы, населяющие это озеро, заражены глистами шистосомами. Взрослые паразиты выделяют в воду огромное число микроскопически малых яиц. Из них вылупляются личинки, которые попадают в тело моллюсков — прудовиков. Развившись в них, личинки превращаются в церкарий. Вот они-то и атакуют птиц и людей. Проникнув через неповрежденную кожу, церкарии раздражают нервные окончания и вызывают зуд, лишающий человека покоя и сна.

— Мне приходилось слышать об этом паразите в Мексике. «Зуд купальщиков» известен в Канаде, Соединенных Штатах Америки, Колумбии, Франции, Германии и на Малайском архипелаге.

— Вообще-то это заболевание не так уж страшно. Болезнь протекает всего три дня. Хуже, если заразишься *парагонимозом*, который я подхватил в Мадрасе.

— Вы, наверно, ели там краба? Это ведь в его клешнях прячутся опасные для человека личинки.

— Вот именно. В ресторане я съел полусырого краба и спустя месяц чуть не умер. Кашель и кровавая мокрота совсем задушили меня. Спасибо, врач обнаружил в мокроте яички червя парагонкума и начал вливание эметина. Только этим и вылечил.

Мой собеседник с шумом вдыхает и выдыхает воздух, словно проверяя работу легких, затем жестом приглашает меня в воду. Через мгновение мы плаваем в теплой воде бассейна.

Галле-роуд тянется вдоль океана. В нее, словно в бурный поток, впадает бесчисленное множество улочек-притоков. Это даже не улица, а широкий, прекрасно асфальтированный проспект с широкими тротуарами по обеим сторонам проезжей части. Впрочем, люди идут по тротуарам и по шоссе рядом с машинами, автобусами велосипедами и... слонами. Слоны на улицах Коломбо, да и вообще на дорогах Цейлона — явление обычное. И водят их не напоказ. Здесь эти неутомимые работяги — переносчики тяжестей, своего рода живые подъемные краны, носильщики.

Прохожие одеты так же пестро, как в Индии, но несколько иначе, особенно мужчины. Чаще всего они голы до пояса, внизу на них длинные и узкие юбки-саронги с поперечными полосами. У многих модников сзади нашита широкая цветная, обычно голубая или сиреневая полоса; на некоторых просторные рубахи и юбки из легкой ткани, на голове тюрбан или повязка. Правда, сингалы голову, как правило, не покрывают. Женщины носят индийские сари.

Жители острова удивительно красивы. Стройные, гибкие, сильные, они легко и уверенно несут свое тело. У них блестящая кожа, белоснежные зубы, густые волосы и чудесные по форме руки и особенно сгруппированные ноги.

По внешним признакам нетрудно отличить сингалов, основных жителей Цейлона, от тамиллов, а тех и других от бирманцев, малайцев или мавров.

Коричневато-бронзовые сингалы великолепно сложены, ходят спокойно, не торопясь. Свообразна прическа женщин и некоторых мужчин — растущие на темени и затылке волосы собраны в большой пучок и удерживаются гребнями и шпильками.

Тамилы тоже статны, но гораздо более стремительны. Они смуглее и худощавее.

Очень привлекательны тамилки — глубоко в глазницах сверкают черные глаза, зубы ослепительно белы, губы ярки.

Прямо на панели свалены кипы мануфактуры и готового платья для продажи. Никого не смущает, что это мешает пешеходам.

Разносчик бананов

Вся улица засажена деревьями и цветущим кустарником. Изумрудная, салатно-зеленая и даже яично-желтая листва резко выделяется на фоне цветов огненной акации и крон манго. Меня уверили, что название столицы происходит от сингальских слов «колаамба», т. е. «манго-листья».

В районе форта в одном из скверов сохранился камень с выбитым на нем гербом португальского короля. Его поставили в 1505 г. первые колонизаторы, захватившие Цейлон. На вывесках я встречал португальские фамилии Перейра и де силва.

Португальцев в XVII в. вытеснили голландцы. Район в центре города до сих пор сохранил название «Остров рабов»; там жили туземные рабочие голландской компании.

В XVIII в. на смену голландцам пришли англичане, без-

раздельно господствовавшие здесь на протяжении 150 лет. Они беспощадно грабили и разоряли Цейлон.

Еще совсем недавно остров был единственным местом на земле, где свободно произрастали коричные деревья. Корица считалась очень выгодным товаром. Сбор стоил гроши, а за границей спрос на нее был велик.

Теперь почти все коричные деревья уничтожены. Остались роскошные виллы, выстроенные колонизаторами на средства, добытые от торговли корицей. Как контрастируют с ними кварталы бедноты в старой части Коломбо — Паттах!

Здесь царствует нужда, жмутся друг к другу убогие лачуги. Тут же на улице сложены горы из сушеной рыбы, фруктов, кокосовых орехов, идет продажа цветной капусты, помидоров, лука, огурцов, красного перца и бананов.

В этих же кварталах — лавки кустарей и ювелиров.

В одну из них меня пригласил сам хозяин; видно, наскучило ждать покупателя. Усадив меня в кресло возле стола, покрытого черной бархатной скатертью, он стал вынимать из шкафа и сейфа деревянные лотки с множеством самоцветов. Все это делалось торжественно, не без театральной, лучи двух висящих на стене прожекторов скрещивались в самом центре стола. Хозяин неторопливо извлекал из лотков сапфиры, изумруды, рубины, циркон, альнамдик, жадбит, бриллианты, рядами укладывал их так, чтобы видна была игра граней, и энергично расхваливал свой товар.

Сверкание драгоценных камней — зрелище на редкость эффектное и красивое, но покупать их мне было ни к чему, да и не на что.

Не обнаружив с моей стороны энтузиазма, хозяин тяжело вздыхает и выкладывает более доступный товар — рубины, опалы и топазы. Когда очередь доходит до золотистого берилла, он пускает в ход все свое красноречие. Он убеждает, что без этого камня трудно жить на свете вообще, а покидать Цейлон — просто невысказано.

— Что вы скажете своим друзьям? «Как! — воскликнут они. — Ты был на острове сверкающих бериллов и упустил случай приобрести один из них? Да это же значит добровольно лишить себя радости!»

Старик вкладывает камень в мою руку и выжидающе смотрит. Приходится расплачиваться за представление и науку. Он с поклонами провожает меня до двери, восхваляя мою щедрость и тонкий вкус.

Уличный торговец

Узнав, что у соседа состоялась «сделка», хозяева других лавок наперебой уговаривают посетить их. Однако теперь я проявляю осмотрительность.

Один продавец рассказал мне, что цейлонские мастера раскрыли секрет искусственного изменения цвета многих камней и могут превратить, например, дымчатые топазы в прозрачно-золотистые. Для этого камни запекают в хлеб и сажают в печь. От равномерного нагрева они светлеют. Агаты варят целыми неделями в меду и серной кислоте и получают черный камень с белыми прожилками. Лучи радия придают голубому сапфиру желтый цвет, топазу — оранжевый, а нежно-фиолетовому сподумену, или кунциту — ярко-зеленый. Необыкновенно красивы все эти камни, но большего восхищения заслуживают руки гранильщиков.

На самих цейлонцах я редко видел даже дешевые, полудрагоценные камни, они носят недорогие металлические

браслеты либо ожерелья из ракушек, кораллов или перламутра, хотя настоящие украшения очень ценят. Но разве может простой цейлонец купить их!

В ПОРТУ

При первом знакомстве порт Коломбо выглядел безлюдным. Огромные волны, подгоняемые ветром, обрушивались на мол. На причале стояло около десятка кораблей. Стрелы подъемных кранов замерли в воздухе.

На пустынном берегу неожиданно встречаю группу школьников. Имена их такие длинные, что кажутся невозможными ни для произношения, ни для запоминания. Девочку, например, зовут Асохайиндралатой, мальчика — Васантамайгульди. Наверно, и мое имя Федор звучит для них непривычно. Дети показывают мне клопа, пойманного в небольшой речушке. В длину он достигает 8 сантиметров, в ширину — 4. Это сильнейший вредитель, поедающий молодь рыб. Самец носит на своем животе прикрепленные, словно клеем, яйца. За то, что я рассказал им о клопе, школьники предложили поискать под корнями пальм черного скорпиона, который, вероятно, нужен русскому доктору. Я с радостью согласился.

Палками мы разрыли землю и изловили трех крупных скорпионов из рода *паламнеус*. Длина его головогруды вместе с брюшком достигала почти 15 сантиметров, а крючковидное жало было больше сантиметра.

Проходивший мимо цейлонец, заметив, чем мы занимаемся, покачал головой и посоветовал быть осторожнее. Укол такого крупного паукообразного способен причинить тяжелые страдания и даже вызвать смерть. Кроме того, под корнями деревьев могут оказаться ядовитые змеи. Позже я узнал, что от их укусов здесь в течение года погибает около 300 человек.

ТЕМНЫЕ СТОРОНЫ РАЯ

Цейлонцы — большие патриоты. В день своего приезда я услышал от них, что остров — «пэредайс», т. е. рай.

Я согласен с ними. Внешне даже рай не может выглядеть привлекательней, ярче и экзотичней. Но на первой же

прогулке, оглушенный и восхищенный всем, чем так щедро одарила этот уголок природа, я увидел то, с чем не только в раю, но и на нашей многогрешной земле пора бы давно покончить.

Среди здоровых, жизнерадостных цейлонцев медленно брели люди с безобразно раздутыми животами, отечными конечностями. Эти несчастные страдали вухерериозом.

В столичной больнице мне показали старика-сингала, который с большим трудом переставлял толстые, словно бревна, ноги. На руках у него образовались «бочонки» из отекающей, складчатой, с множеством перетяжек, кожи.

Еще недавно вухерериоз считался неизлечимым. Теперь, как уже говорилось, болезнь можно оборвать, если захватить ее в самом начале, достаточно сделать лишь несколько вливаний антибиотика, но если она запущена, справиться с ней куда труднее, а в ряде случаев и вовсе невозможно.

Потому так важна работа по профилактике среди населения и по уничтожению комаров — переносчиков вухерериоза, которая широким фронтом ведется здесь.

Цейлонские гельминтологи, паразитологи и клиницисты-терапевты не перестают бороться с незримыми «колонизаторами» — паразитическими червями и их переносчиками. А заболеваний, подобных вухерериозу, на острове немало.

Ни жаркое солнце, ни благодатный климат, ни обилие фруктов не спасли некоторых его жителей от туберкулеза. Эта социальная болезнь свила себе тут прочное гнездо. В противотуберкулезном институте, основанном еще в 1916 г., много тяжелых легочных больных, и число их, к сожалению, не уменьшается (в 1959 г. — 8161, в 1961 г. — 8411).

Несравнимо успешнее идет борьба с малярией. С местными маляриологами впервые я встретился в научно-исследовательской лаборатории, куда мы приехали с Эрнборгом. Цейлонские коллеги приняли нас исключительно тепло и радушно. Особенно внимателен ко мне был доктор Т. Висвалингам, с которым мы до сих пор обмениваемся научными статьями и книгами. Доктор Адан вызвался сопровождать меня в поездке по острову и с большой охотой показал все материалы, связанные с проблемой уничтожения малярии.

Это заболевание известно здесь с давних времен. Наиболее ранние сведения о нем были опубликованы голландцами еще в 1638 г. Распространению малярии способствовали благоприятные условия для выплода *анофелес кули-*

Запущенный случай слоновой болезни

цифациес — оптимальная круглогодичная температура, влажность и сильная заболоченность острова.

В 1946 г. в стране насчитывалось 3 миллиона маляриков, спустя десять лет — 7739, в первой половине 1959 г. — только 114.

Результаты, конечно, ошеломляющие, и они быстро сказываются на рождаемости и на резком снижении смертности, особенно среди детей. В 1945 г. население Цейлона составляло около 6,5 миллиона человек, в 1957 г. — 9,1 мил-

лиона, а в 1961 г. — 10,03 миллиона. В 1946 г. от малярии умерло 8539, в 1956 г. — 268, а за первые шесть месяцев 1959 г. — 8 человек.

Если раньше на острове ежегодно малярией заболело более 41 процента населения, то теперь лишь 0,45 процента. В последние годы стали доступными для освоения и заселения многие места, прежде считавшиеся «гиблыми». Осушив болота и изгнав малярию, жители отвоевали у джунглей свыше 500 квадратных километров земли. В новых районах поселилось 90 тысяч бедняков, не смевших и мечтать о собственной земле.

Широко ведется на острове борьба с переносчиком малярии. Для его уничтожения в водоемы выпущены миллионы небольших рыбок *лебистес ретикулатус*, поедающих личинки и куколки комаров. Многие водоемы периодически заливаются смесью керосина и бензина, эмульсией ДДТ. Рабочие рисовых полей в период рисосеяния, а также все население в первые два месяца сезона дождей получают хинин. Его раздают школьники, привлекаемые учителями и работниками противомаларийных пунктов. Это обеспечивает массовость помощи.

Для постоянного надзора за особо опасными зонами (районы Чилоу, Курунегала, Матале, Канди, Ратнапура, Хамбантоты) организовано 54 пункта. Сотрудники их ежемесячно проверяют водоемы и, если обнаруживают личинки комара, проводят обработку водоемов в течение шести дней. Опрыскиваются близлежащие дома и хозяйственные постройки.

В 1959 г. при проверке крови у 305 740 жителей Цейлона плазмодии были найдены у 1596 человек, в 1961 г. — из 768 309 — всего лишь у 110. Смертность от этого заболевания за последние три года снизилась с 0,15 до 0,01 на тысячу. За первые шесть месяцев 1962 г. было выявлено только 28 случаев малярии.

Эти успехи могли быть достигнуты благодаря тому, что за ликвидацию ее взялись правительство и народ освобожденной от колониальной зависимости страны. Со временем здесь справятся и с другими болезнями. Цейлонская республика еще молода. Множество сложных проблем стоит перед ней, и не все они могут быть решены сразу.

Маршрут поездки был окончательно разработан при содействии Эрнборга, Адана и руководителей местных противомалерийных станций. В одно прекрасное утро возле гостиницы остановилась машина с красным крестом. Путь наш лежал через небольшой городок Кегалла в Курунегала.

Между цепями низких холмов много долин и котловин, на дне которых разбросаны рисовые поля. Тут круглый год влажно и жарко.

Курунегала — древний город, ему 664 года. Крутые утесы, на которых он выстроен, служили когда-то естественной защитой. Его старое название Хатхигирипур означает «город слонового утеса». Сейчас это крупный промышленный и сельскохозяйственный центр, связанный шоссейной и железной дорогами с Коломбо. Здесь я познакомился с местными врачами. Стены их лабораторий украшены цветными таблицами, иллюстрирующими ход борьбы с малярией на острове и в данном районе.

После Курунегала мы побывали в районе центрального нагорья, в цветущей Перадении. Самым северным пунктом нашего маршрута был город Сигирия, восточным — Полоннарува.

Дороги на Цейлоне прекрасны, и машина с большой скоростью мчится по асфальту. В пальмовых рощах, довольно часто встречающихся на нашем пути, отдыхаем от жары. Здесь в тени от густых крон прохладно.

В селении, расположенном прямо среди кустов с яркими цветами, деревьев какао, банановых зарослей, сделаны стойки, на которых разложены крупные, только что сорванные ананасы.

Они необыкновенно ароматны. Чтобы узнать настоящий вкус плода, надо его хоть однажды попробовать прямо с ветки. Я часто ел ананасы и бананы у нас в Союзе и в Америке, но только в Индии и на Цейлоне ощутил их настоящий вкус.

Запиваем фрукты соком кокосового ореха, чуть кислотным, но очень приятным. Он действительно прекрасно утоляет жажду, в этом я убедился еще в Индии.

У домика стоит двуколка с впряженными в нее коротко-рогими быками. Она снабжена оригинальным тормозом, устроенным так, что при подъеме в гору под колеса попа-

дает палка. Сзади он привязан проволокой и на ровной дороге тащится за возом. Эта древняя конструкция, вероятно, очень хороша для гористых мест, где велика опасность скатиться вниз. Единственный в своем роде случай, когда «палка в колесах» помогает.

На следующий день продолжаем поездку. Машина медленно продвигается по проселочным дорогам среди такой буйной растительности, какой я не видел даже здесь.

Очень красивы рощи из каучуковых деревьев. Их выращивают в горах, на высоте не более 600 метров над уровнем моря. В прямых серых стволах таятся неистощимые запасы драгоценного каучука. На коре заметны белые спирали желобков, по которым стекает тягучий сок. К стволу приставлены банки и ведра. С гектара можно получить до 500 килограммов каучука. В содружестве с каучуковыми живут низкорослые деревья какао. Подобный симбиоз спасает их от прямых жгучих лучей солнца и ветра. Попадают также кофейные деревья и кардамон.

В лесу тьма бабочек, необычных по величине (некоторые в две ладони взрослого человека) и поразительных по окраске. Крылья одних ярко-василькового цвета с белыми пятнами, других — бархатно-черные верхние и лимонно-желтые нижние, третьих — черно-синие или зеленые с желтыми, красными и синими полосами. Сочетаний цветов великое множество, и комбинации подчас совершенно неожиданны. Недаром цейлонские бабочки считаются красивейшими в мире и уступают лишь бразильским.

Для ловли их пришлось бы углубиться в джунгли, но в мае это опасно. После ливней в сырой траве — мириады крошечных пиявок. Они с невероятной быстротой забираются под одежду и досыта напиваются кровью; ранки, оставленные ими, долго кровоточат.

В селении Хингуракгода жители встретили нас приветливо. Осмотр дал утешительные результаты: плазмодии не найдены, селезенка в норме. Зато в соседнем селе, не вызывавшем беспокойства, мы столкнулись со свежим случаем малярии. Вооружившись фонарями и пробирками, направляемся в жилища.

Дома цейлонцев, как правило, представляют собой деревянный каркас с глинобитными стенами и крышей из пальмовых листьев или рисовой соломы. В жилой части две комнаты (одна — спальня, другая — кухня и кладовая) и крытая веранда, где семья проводит большую часть дня.

Окон нередко совсем нет, а там, где они есть, их плотно занавешивают, защищаясь от солнца, скорпионов, пауков и ядовитых насекомых. Вдоль стен расставлены полки с глиняной и алюминиевой посудой, горшками, корзинами.

Комаров мы не нашли, но наткнулись на лохматого, темно-бурого ядовитого паука из семейства птицеядов. Под лучом фонаря хорошо просматриваются два черных, загнутых книзу коготка — жвал, более сантиметра каждый; при укусе паук через них вводит под кожу яд. Быстрым движением хватаю его пинцетом, выношу на свет. Он бьется, пытаясь вырваться, и упирается всеми своими восьмью лапами. Погрузить его в стеклянную банку оказалось делом не простым. Лишь вата, смоченная в эфире, успокоила его навсегда.

Кое-где около домов помяты кусты и сломаны деревья. Поймав мой недоуменный взгляд, хозяин одного из них объяснил:

— Дикие слоны. Уже не первую ночь они приходят сюда. Чего мы только не делали, чтобы прогнать «налетчиков», — колотили палками в тазы, жгли факелы, кричали. Ушли. Теперь прячутся в соседнем лесу.

Он показал несколько мест, где можно встретить диких слонов, когда они ранним утром направляются на водопой. Увидев человека, они довольно проворно сворачивают с шоссе и скрываются в лесу.

На Цейлоне слоны исчезают. Варварская охота любителей экзотики сократила число их с нескольких тысяч до одной. Сюда входят и ручные слоны, грузом которых пользуется население.

Наш пациент, с португальской фамилией Перейра, рассказал нам, что заболел после того, как просидел три ночи в засаде: леопард повадился ходить к нему и таскать из хлева поросят. Чтобы покончить с вором, хозяин привязал к дереву, возле хлева теленка, а сам засел с ружьем на чердаке. Но осторожный хищник, вероятно, заподозрил что-то и больше не появлялся.

К дому иногда подходят маленькие, не больше зайца, жозочки — мышинные оленята, на удивительно тонких ножках. Водятся здесь, по словам хозяина, и крокодилы-гавиалы. Он не раз видел их в траве недалеко от реки.

Я невольно поежился. Хороши соседи! Дикие слоны, леопарды, гавиалы.

Жена Перейры не соглашается отпустить нас, не нако-

мив, и приглашает к столу. В помещенчи так темно, что я едва различаю, что стоит на нем. Нас угощают рисом, к которому подается мясо, тертый кокосовый орех, мякоть манго, томаты и красный перец, затем папайей и крепким чаем с цейлонским лимоном. По размеру он значительно уступает нашему (чуть больше грецкого ореха), но много ароматнее.

Хотя у хозяина и португальская фамилия, он происходит из семьи потомков самых древних обитателей острова — веддов. С нами обедает его тесть — сингал. Черные брови и усы не вяжутся с традиционной прической старика — большим пучком седых волос на затылке, удерживаемых полукруглым гребнем, — и юбкой. Разговорчивый и приветливый, он извлекает из сумки больше десятка вырезанных из дерева предметов. Тут были черные слоны величиной с кулак, кобра, обвившая ногу слона, из розового дерева, коровы из сандалового дерева. В шелковой мешочке старик хранит особо ценный товар — набор сапфиров, обычных темно-синих, а также белых и желтых, несколько лунных камней и поделок из них.

Старший сын Перейры, заметив мой интерес к растениям, повел меня в небольшой садик, отвоєванный у джунглей.

У крыльца зеленеет поросль мимозы. Я провожу по ветке рукой, и перистые листочки тотчас же, словно по команде, опускаются книзу. Рядом растут какие-то сучковатые деревца. Решаю сорвать листок, чтобы рассмотреть его поближе, и вдруг вижу, что одна из веток шевелится. Оказывается, это палочник — насекомое с прямым телом (примерно 18 сантиметров) и длинными, как будто сучковатыми, ножками. В застывшем положении оно становится совершенно незаметным даже для «бывалых» насекомоядных птиц.

На деревьях — птицы-носороги с продолговатым туловищем и длинной шеей. Их огромные желтые загибающиеся книзу клювы с рогом резко выделяются на фоне темной зелени. На ветках, словно воробьи или вороны, восседают древесные утки.

Крошечные птички нектарницы похожи на живые драгоценные камни! Зеленовато-бронзовые с красной шейкой, сине-желтые, они порхают возле цветов. Трепеща крылышками, подолгу застывают на одном месте, а потом засовывают длинный клюв внутрь, чтобы собрать нектар или

насекомых. Они очень напоминают наших ночных бабочек бражников, появляющихся в садах после заката солнца.

— Однажды, — рассказал мне юноша, — на нектарницу напала какая-то большая птица. Что тут началось! Все нектарницы бросились на выручку, клевали дерзкого хищника в глаза, били крылышками и в конце концов заставили улететь ни с чем. Здесь много змей, но в сад они заползают редко, у нас живет мангуста, которая разделывается с ними сразу.

Я захожу в дом и прощаюсь с радушными хозяевами.

По дороге в далекое селение мы увидели слонов, грузивших огромные бревна. Почти голый цейлонец надевал на бревно цепь и вкладывал ее в рот слону. Тот хоботом брал цепь, легко поднимал бревно и заталкивал его в кузов грузовика. Поражала понятливость слона и исключительно аккуратная работа.

Его «собрат», должно быть, уже выполнивший дневную норму, купался в речке. Лежа на боку, он набирал хоботом воду и окатывал себя, как из шланга.

Я отыскал в видоискателе купальщика и щелкнул затвором фотоаппарата. Хозяин слона немедленно подскочил ко мне и, улыбаясь, протянул руку.

— Две рупии, — сказал он кратко.

— Но ведь фотографировал я не вас, — попробовал было возразить я.

— Все равно, слон мой, — он указал на металлический стерженек погонщика, — значит, и деньги мне.

Пришлось заплатить.

Духота и жара страшная, и мы решаем сделать остановку под густой тенью баньяна. Благословенное дерево! Располагаемся на ковриках и извлекаем из мешков кокосовые орехи. Одна за другой откуда-то появляются обезьяны. У самых крупных из них черные мордочки, окаймленные белыми «бакенбардами» и бородой. Над глазными впадинами — густые, ершиком, брови. Любопытство заставляет их приблизиться к нам почти вплотную. Очень интересно смотреть на то, как они поправляют пятерней волосы, чешут пальцами подбородок или сидят подбоченясь.

К самцу, поглощенному наблюдениями за нами, подошли две самки. Они что-то бормочут, трогают его за руку, явно требуя внимания. Рассерженный тем, что его отвлекают, он грозно прикрикнул на них и оскалил зубы. Не стоило мне взяться за фотоаппарат, как вся компания не-

медленно разбежалась и с акробатической ловкостью взобралась на самую вершину баньяна. Видимо, любой предмет в руках человека ассоциируется у них с представлением об опасности.

На дальние водоемы пролетели белоснежные пеликаны. Выскочила и тут же скрылась ящерица игуана — живой музейный экспонат (этот вид пресмыкающихся сохранился с третичной эры). Здесь эта рептилия с роговым гребнем от головы до конца хвоста ни у кого не вызывает удивления. Цейлонцев поражает острота моей реакции на каждое новое тропическое животное или растение. Вероятно, обезьяны, нектарницы и игуана им кажутся такими же обычными, как нам зайцы, голуби или ужи.

— Ребятишки у нас тут играют с игуанами повсюду. Безобидная зверюшка. Кое-где их даже едят. Мясо по вкусу напоминает курятину, — заметил один из них.

На ночлег останавливаемся в маленьком пансионате, возле озера, и я ближе знакомлюсь со своими коллегами.

Доктора Лоулес и Адан уже равно работают на острове. Грек Лоулес отчаянно тоскует по далекой родине. Он считает, что природа там куда интереснее здешней. Узнав, что меня зовут Федор, он приходит в восторг от того, что я ношу греческое имя, и с еще большим пылом принимается рассказывать о прекрасной Греции.

От него не отстаёт филиппинец Адан. После его воспоминаний мне начинает казаться, что я, ни разу не бывавший в Маниле, смогу пройти по ней с закрытыми глазами.

— Но ведь общепризнано, что Цейлон — самое красивое место на земле, — возражает цейлонец Банопати. — Взгляните хотя бы на эту пальмиру. Как прям ее ствол, как роскошна крона. Еще чудесней талипоговая пальма. Каждый ее лист, широкий, словно веер, достигает пяти метров длины. В древности на них писали, как на папирусе. А бананы, манго, ананасы! Посмотрите на этих бабочек, птиц, цветы...

— Дорогие друзья, — перебиваю я их. — Для каждого из нас нет ничего дороже и прекраснее родины. Ваш остров, слов нет, великолепен, но побывайте зимой в Подмосковье! Полюбуйтесь на лес, обсыпанный снегом, на березу весной! Погоняйтесь на лыжах за зайцами под Минусинском!

Спор сразу прекращается.

Ночь не приносит пролады, жарко даже у самого озера.

Мы долго молчим, прислушиваясь к звукам ночи, и изучаем звезды, которые здесь необычайно ярки. Отчетливей, чем у нас, виден расплывчатый пояс Млечного пути. Далее, над горизонтом, — созвездие Южного Креста. В зените сверкает Орион, чуть южнее от него — звезды Аргуса. На широчайшем, словно темно-синем ковре, выткана «наша» Большая Медведица, но только ковш ее перевернут. Хорошо видна Конопус, пожалуй, она горит ярче, чем у нас Сириус; созвездия южного неба — Центавра, Райской птицы, Летучей рыбы, Южного треугольника — по блеску уступают ему. По небосклону проносятся метеориты, сегодня их особенно много.

Мы расходимся, условившись встретиться за утренним кофе. Окна в номере гостиницы открыты, иначе из-за духоты не уснешь. Единственное спасение от двукрылых кровососов — полог. Он полностью закрывает кровать, особенно если бахрому подоткнуть под матрац. И все-таки откинутая во сне рука оказалась за пределами убежища и немедленно была атакована. Наутро на ней выскочило более десятка зудящих волдырей.

— Будь осторожнее в дальнейшем! — предупреждает Адан. — Хотя кулекс малярию не передает, зато может заразить филяриозом. А ведь вы-то знаете, какая это неприятная штука.

Он улыбается и добродушно похлопывает меня по плечу.

— Впрочем, все не так уж страшно. В Канди, например, у 20 процентов студентов в крови обнаружены филярии, но филяриозом они тем не менее не заболевают. Очевидно, для этого необходимо более значительное и длительное насыщение крови возбудителями. Ну, а вы у нас недолгий гость и заболеть не успеете.

Сидя за столом, я наблюдаю пробуждение дня. Дует прохладный ветерок, солнце еще не греет. Слышится пенье и щебетанье птиц. На железной крыше гостиницы копошится семья обезьян. По двору разгуливают индюки, куры и петухи.

— К этим курам, — заметил подававший кофе официант, — нередко приходит в гости дикий петух из джунглей. Домашний вызывает его на бой и прогоняет. Конечно, гость сильнее, однако он всегда уступает, вероятно, из чувства справедливости.

Над озером висит легкая пелена тумана. Вдали громко хлопают крыльями пеликаны. Возле них, словно лодчонки

около баркасов, снуют дикие гуси. Змеиная птица, черная с длинной подвижной головой, похожая на нашего баклама, ничуть не смущаясь присутствием людей, уселась рядом с нами на ветки затонувшего дерева. Она начисто обглодала несколько сучьев и усердно занялась рыболовством.

Мы снова в машине. Едем в одно селение осмотреть больного, а потом в Полоннаруву, город-музей, бывшую столицу Цейлона.

Больной, оказавшийся продавцом бетеля, встречает нас у порога и начинает с извинений за беспокойство. Его действительно лихорадило, поднялась температура, но сегодня он здоров, и малярии, по-видимому, у него нет.

Узнав, что его гость — москвич, хозяин высоко поднимает брови.

— Вот уж никогда не думал увидеть у себя в доме русского.

Он роется на полке и приносит несколько номеров журнала «Советский Союз», издаваемого на английском языке в Дели.

— Знаю, все знаю о вас и о вашей земле.

Он угощает нас рисом в масле, с зеленью и фруктами, показывает, как готовится для продажи бетель. Берутся наструганные ножом пластинки орехов арековой пальмы, листья бетельного перца и жженная известь, полученная из раковин и превращенная в порошок. На листик бетельного перца накладывают ломтики арека, посыпанные известью, ватем его завертывают и кладут в рот. Слюна становится киноварно-красной, зубы от частого употребления чернеют. Продавец утверждает, что жвачка приятна и ароматна.

— Правда ли, что у людей, жующих бетель, губа оттопыривается и лицо становится некрасивым? — спрашиваю я доктора Адана.

— Пожалуй, да. При частом употреблении он вообще вреден, хотя действует возбуждающе и способствует поднятию тонуса. У тех, кто жует бетель с известью, нередко бывает рак губы или языка.

— В первый раз об этом слышу! — искренне удивляется продавец. — Если бы знал раньше, переменял профессию! — Он смотрит на кучу раковин и с досадой машет рукой.

Дорога в Полоннаруву идет среди джунглей. Торопливо перебегают шоссе дикие кабаны, по виду совсем не отлича-

зоющиеся от наших. То и дело попадаются зайцы. На деревьях — много белок.

— Совсем как у нас в тайге или на Кавказе, — удивляюсь я.

— А эти тоже водятся там? — показывает на попугаев Адап.

Я развожу руками.

Столицей Цейлона Полоннарува был еще в X—XIII вв. Тогда здесь возводились дворцы, храмы и дагобы; город сиял золотом и серебром, как когда-то Анурадхапур — тоже столица сингальского царства, но еще в V в. до н. э. Теперь это по-своему интересный, но совершенно провинциальный городок.

В каменной кладке полуразвалившихся стен Полоннарувы сохранились изображения слонов и обезьян. Наиболее примечателен дворцовый храм Ватадаге с двумя круглыми террасами. На боковых стенах четырех входов — фигуры людей, каких-то странных зверей, гирлянды цветов. Рядом с храмом находится каменная книга, посвященная жизни раджи Ниссанка Малла, — девятиметровый камень, покрытый лишайником. К XII в. относится ступенчатая башня Сат Махал Прасад.

Особенно запомнилась мне колоссальная фигура лежащего Будды в глубине скального храма и у изголовья — статуя одного из его учеников, Ананда. Обе скульптуры созданы в XII в. Метрах в пятидесяти от них на пригорке среди леса, словно гигантский гриб, возвышается каменная ступа — дагоба.

Интересно, что в 1962 г. П. Н. Кожемяк обнаружил в Чуйской долине (Киргизской ССР), близ поселка Красно-реченского, остатки буддийского храма с уникальной скульптурой лежащего Будды. Здесь, как и на Цейлоне, он повернут на правый бок, нога чуть выставлена вперед. Складки одежды облегают тело. Скульптура разрушена, но даже оставшаяся часть поражает своими размерами — 12—13 метров.

Мы колесим по центральной части острова. В горных районах малярия почти исчезла. Зато в поймах рек, заболоченных полях, сырых низинах она все еще дает о себе знать.

Трудно поверить, что под жгучими лучами солнца может оставаться хоть какая-нибудь влага, но на Цейлоне ее более чем нужно.

По крутой, очень живописной дороге мы спускаемся к океану. На побережье между пальмами и бананами разбросаны все те же крытые соломой полутемные жилища с верандами.

В лавочке на полке разложены соль, спички, мыло, чай. в корзинах — рыба, фрукты и овощи, на столиках расставлены бутылки с напитками желтого, зеленого и оранжевого цвета, на лотках — кренделя.

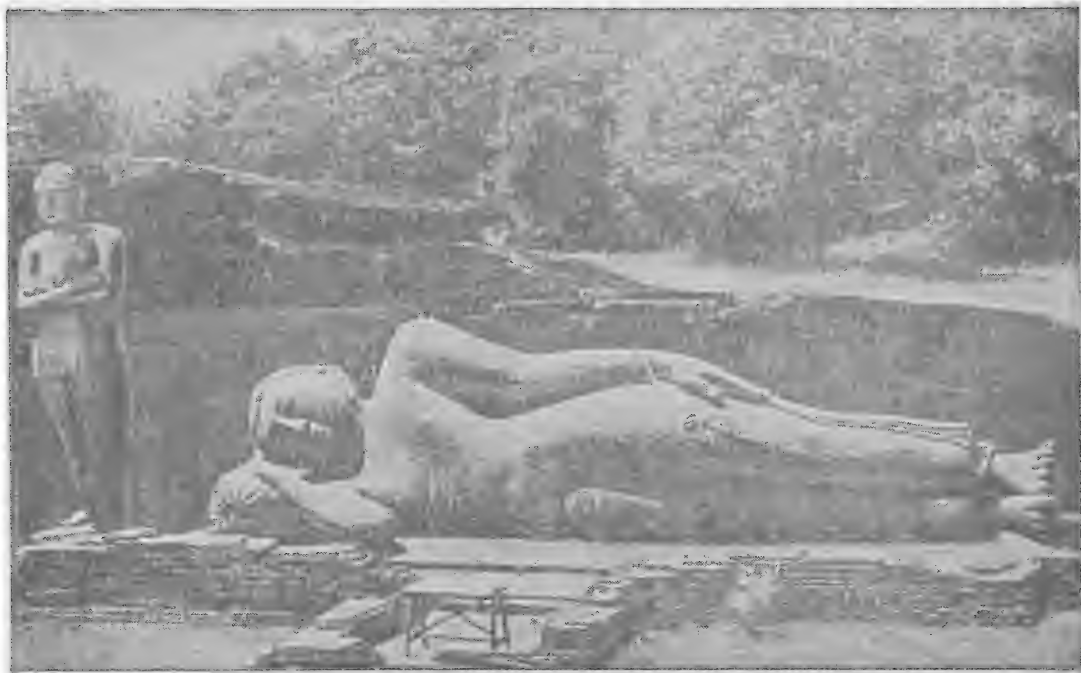
Волны океана приносят кожуру от бананов и ананасов. Шумит прибой, на приколе качаются легкие рыбацьи лодки, прямо на песке растянуты сети для просушки.

Рыбаки перекладывают из лодки в корзины рыбу, похожую на карпа, и двухметрового махасира с крупной чешуей. Здесь, по словам рыбаков, купаться нельзя из-за акул. Впрочем, подошедший к нам старик сингал уверяет, что здешние акулы не опасны и что лишь возле Коломбо как будто появляется изредка рыба-меч, акула-молот и рыба-пила, да и то не у самого берега.

К голове одной из рыб присосалась небольшая *ремора*. С трудом оторвав ее, мы рассматриваем мощную присоску. Ремора плотно прикрепляется к телу рыбы и плавает вместе с ней, пользуясь не только бесплатным транспортом, но и остатками пищи. Нашелся в лодке и экспонат для моего музея — четырехзубка. Еще живая, она раздувает покрытое колючками тело и становится абсолютно круглой, затем выпускает воздух и принимает вновь плоскую форму. Ее сильные зубы позволяют «лузгать» раковины моллюсков, как семечки, и лакомиться их содержимым. Колючки спасают от хищников. Если же случайно она оказывается у кого-нибудь в желудке, то действует весьма решительно: пускает в ход зубы, прогрызает сначала стенку желудка, а потом мышцы неосторожного хищника и выходит на волю.

В прибрежных зонах Индийского океана в ряде мест на севере и западе Цейлона еще ведется ловля жемчуга. Добывается он так же, как и в давние времена: на ловцах нет ни скафандров, ни аквалангов, ни даже масок — ничего, кроме узкой набедренной повязки да веревки с тяжелым камнем для быстрого погружения. Лишь у некоторых я заметил костяные рогульки-зажимы на носу и восковые шарики в ушах.

Поэтому так же, как в древности, это ремесло трудно и опасно. Каждый искатель ныряет по 40—50 раз в день на

Лежащий Будда

глубину от 6 до 15 метров, оставаясь под водой полторы-две минуты. В среднем они выносят от тысячи до 2 тысяч раковин, но далеко не во всех есть драгоценная жемчужина. Раковины вскрывают прямо на берегу, и тут же происходит первоначальная сортировка зерен.

КАНДИ

Когда-то грозная крепость, Канди со временем превратилась в небольшой городок. Он считается, причем совершенно справедливо, одним из самых красивых городов на острове. Богатейшая растительность делает его похожим на ботанический сад. Туристы нередко называют Канди «азиатской Швейцарией». В самом его центре расположено озеро, кишашее рыбой и черепахами. На берегу высится знаменитый буддийский храм Далада Малигава. Монахи утверждают, что здесь хранится зуб Будды.

В дни праздников город наводняют паломники-буддисты. Улицы украшаются фонариками, цветами и флагами. На реке Махавели и на озере устраивается катанье на лодках. Множество туристов стекается сюда, чтобы посмотреть на шествие слонов.

Нам повезло: мы неожиданно увидели это зрелище в будний день. Кинооператоры снимали праздничный карнавал. Спины слонов покрыты коврами, красными шелковыми накидками с крупными белыми аппликациями. Круглые прорезы для глаз, напоминающие очки, обшиты белой тесьмой. На подпиленные и слегка укороченные бивни насажены серебряные резные наконечники. Ногти слонов намазаны желтой краской. Из ажурного ожерелья-хомута торчат в стороны разноцветные палки с пышными султанами из конских хвостов. Особой изысканностью отличается наряд слона-вожака. Инкрустированные золотом и камнями подпруги удерживают на спине его нечто вроде беседки. На пышных шелковых подушках восседает «раджа» в ярком кафтане. Возле слонов идут поводыри в обычных костюмах из белой материи. Статисты изображают толпу.

Меня удивила покорность животных, безропотно выполнявших любое приказание; они поворачивались, шли, останавливались по первому знаку. Это не вязалось с тем, что я слышал об их буйном нраве (здесь в Канди мне пока-

Укротители змей

зали слонов, только что попавших в неволю. Они выглядели скучными и послушными и с видом полной умиротворенности посматривали на всех умными глазами).

На тротуаре пристроился факир — укротитель змей, художавый мужчина средних лет с бритым лицом. Вид его отнюдь не романтичен: на нем черная шапочка, рубашка с короткими рукавами европейского образца и узкая, короткая клетчатая юбочка. Ноги босы.

Стоило нам чуть задержаться возле него, как он торопливо заиграл на флейте и открыл крышку плоской корзины. Оттуда поднялась довольно крупная кобра. На непомерно широкой, особенно со спины, шее чешуя кажется оливково-серой. Окраска и другие малозаметные признаки отличают цейлонскую кобру от индийской. Укротитель извлекает из инструмента унылые, протяжные звуки, а кобра чуть покачивается, высовывая раздвоенный язычок. Она не протестует, когда хозяин бесцеремонно берет ее за середину туловища и надевает себе на шею.

В этот момент к нам подходит какой-то старик и, встав между укротителем и нами, быстрым движением руки раскрывает складывающуюся на шарнирах коробку. В ней оказались наколотые цейлонские бабочки поразительной красоты.

— Купите, сэр, — обращается он ко мне.

Впечатление от коллекции настолько сильно, что я, не торгуясь, приобретаю ее, не забыв, конечно, расплатиться и с укротителем, представление которого было так бесцеремонно прервано.

Шествие меж тем приближается, и мы попадаем в самую гущу статистов, сопровождающих животных. Операторы крутят ручки аппаратов и что-то кричат в рупоры.

В 1960 г. в Канди произошел трагический случай: во время торжественного ночного шествия, в котором участвовало около ста тысяч человек и пятидесяти слонов, одно из животных нечаянно наступило на кем-то оброненный горящий факел. Обезумев от боли, оно бросилось в толпу. Поднялась страшная паника. Люди, покидав факелы, побежали. Волнение передалось и другим слонам, что еще больше усилило замешательство. В страшной давке погибло 14 человек и около тысячи человек было ранено, причем 125 — тяжело. Спокойствие восстановилось только после того, как полиции удалось застрелить слона — зачинщика давки.

Недалеко от Канди, в окрестностях города Перадени,

находится Цейлонский университет. Площадь, занимаемая им, достигает тысячи гектаров. На этой территории расположены учебные корпуса, дома для профессорско-преподавательского состава и обслуживающего персонала, общежития студентов. Мужские отделены от женских довольно значительным расстоянием.

На медицинском, инженерном, гуманитарном, научном, востоковедном и сельскохозяйственно-ветеринарном факультетах обучается примерно 2500 человек, в том числе 650 женщин. Обучение платное.

Меня, конечно, больше всего интересует медицинский факультет. Я посещаю клиники, аудитории и кафедры. Переходя из одного здания в другое, мы встречаем марширующую колонну студентов. Лица их вымазаны фиолетовой краской, головы посыпаны пеплом, на плечи накинуты одеяла.

— Что за маскарад? — спрашиваю у профессора.

— Это первокурсники. Ежегодно первого июня они в соответствии с традицией устраивают шествие под лозунгом «прощай, свободная жизнь».

Действительно, многим из них предстоит нелегкая жизнь: надо учиться и работать, чтобы платить за лекции, практические занятия, общежитие, книги, питание. Некоторые после двух-трех курсов бросают учебу.

В хирургическом отделении больницы в Канди мне показали больного. Юноша работал на самом южном побережье острова, возле города Хамбантота. Там находится заросший камышом пруд, на песчаных отмелях которого водятся крокодилы. Самый крупный из них гребнистый крокодилус порозус — ближайший родственник нильского — в длину достигает 8 метров. Заметив на отмели дерущихся животных, юноша попытался пристрелить их, чтобы снять кожу и продать ее. Однако крокодилы опередили его и сильно поранили ему руки.

Врач-сингал не раз бывал на берегу этого пруда и видел сражения между крокодилами-самцами, происходящие в период спаривания. Противники дерутся ожесточенно и наносят друг другу тяжелые увечья. Среди убитых охотниками животных нередко попадаются экземпляры с оторванными пальцами, поврежденными нижними челюстями, следами разрывов на коже.

Рассказ врача позволил мне понять необычное поведение черепах, которое я имел случай наблюдать незадолго

до приезда в Канди на дороге. Сني как бы играли в «куча мала», стукались панцирями, толкались, пытались перевернуть противника на спину. Вероятно, то были самцы.

От Канди до Коломбо 90 километров. Это расстояние мы покрываем за два часа.

Перед тем как покинуть Цейлон, я осматриваю богатейшие коллекции зоологического музея в столице. Директор его доктор П. Е. Деранийагала показывает мне ядовитых змей, пойманных им на острове, бабочек, птиц, рыб, чучела животных.

Прощавшись с директором, мы с Эрнборгом возвращаемся в гостиницу.

Только что светило солнце, но вот уже небо заволокли тучи и полило. На аэродром мы едем сквозь пелену сплошного дождя. В двух шагах ничего не различишь, движение на шоссе останавливается. К счастью, ливень скоро прекращается. Мы мчимся по пригороду, преодолевая потоки воды, и прибываем на аэродром в последнюю минуту.

Салон воздушного лайнера перед вылетом подвергается тщательной обработке — его стены, сиденья, полки орошаются распыленной эмульсией ДДТ. Подобная операция производится для того, чтобы не захватить с собой насекомых, зараженных возбудителями паразитарных болезней. Комары, москиты и прочие окрыленные «зайцы» способны экспортировать инфекцию в другое государство и передать его жителям желтую лихорадку, малярию, висцеральный лейшманиоз.

Стрелки на циферблате показывают час дня, когда я покидаю гостеприимный Коломбо. Мой путь: через Бомбей, Каир, Женеву — в Москву.

У полуострова Джафна, самой северной точки Цейлона, отчетливо обозначаются «границы» между кубово-синими водами Бенгальского залива и зеленоватыми водами Аравийского моря. Сказочный остров тает в сиреневой дымке. Вскоре показывается мыс Коморин.словно на географической карте, рельефно выделяются крутые склоны шоколадных гор, тянущихся вдоль всего юго-западного побережья Индии.

Справа по борту неожиданно возникает множество разноцветных огней, постепенно проступают очертания города, подковообразной набережной. Самолет идет на посадку. На фасаде ярко освещенного аэровокзала крупно Бомбей.

В зале ожидания оживленно. Много паломников с рыжими, выкрашенными хной бородами и в зеленых тюбанах. Торопливо проходят носильщики. На жестяных бляхах, приколотых к груди, выбито «1 ана» ($\frac{1}{16}$ рупии) — стоимость оплаты за перенос каждого места багажа.

Ко мне за столик подсаживается индеец средних лет в европейском костюме. Чем-то неуловимо он похож на Четки, и я невольно проникаюсь к нему симпатией. В зале невероятно душно, и мы буквально обливаемся потом.

— Ну и жарища! — восклицаю я и вспоминаю тотчас же традиционное начало разговора отца с Бехтеревым.

— Да, действительно жарко, — отзывается сосед по столу.

Знакомимся. Мой собеседник оказывается учителем бомбейской школы, собравшимся за время каникул поездить по стране. Я одобряю его планы и выражаю сожаление, что сам смог побывать только на юге. С восторгом рассказываю ему о восхитительной природе штатов Майсур и Мадрас, о замечательных людях, с которыми свела меня судьба, и о совместной работе с ними.

По радио голос диктора называет номер моего рейса. Учитель провожает меня к трапу и говорит по-русски:

— До свидания. Счастливого пути!

Я низко кланяюсь ему и быстро иду к самолету.

Последние шаги по индийской земле. Самолет поднимается в воздух...

СОДЕРЖАНИЕ

ИНДИЯ

Индия в Сокольниках	5
Дели	10
На юг	25
Майсур	29
По следам малярии	41
Храм с кобрами	53
В майсурском зоопарке	56
По городам и селениям штата	59
Снова в Майсуре	66
В голубых горах	71
В Марду	80
Мадрас — столица юга	88

ЦЕЙЛОН

В столице	103
В порту	111
Темные стороны рая	111
По острову	115
Канди	126

Федор Федорович Талмзин

ПО ИНДИИ И ЦЕЙЛОНУ

**Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР**

Редактор Л. Ш. Фридман
Художник А. Ф. Гарам
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор Л. Г. Михлина
Корректоры С. А. Боровская и Ф. А. Дворкина

Сдано в набор 23/VI 1964 г. Подписано к печати 19/IX 1964 г. А 03470.
Формат 84x108¹/₁₆. Печ. л. 4,125. Усл. п. л. 5,75. Уч. изд. л. 5,51. Тираж 28 500 экз.
Изд. № 1267. Заказ 1596. Гемдлан 1964 г. № 156. Цена 35 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография № 3 издательства «Наука», Москва К-45, В. Кисельный пер., 4

Цена 35 коп.

издательство „наука“